

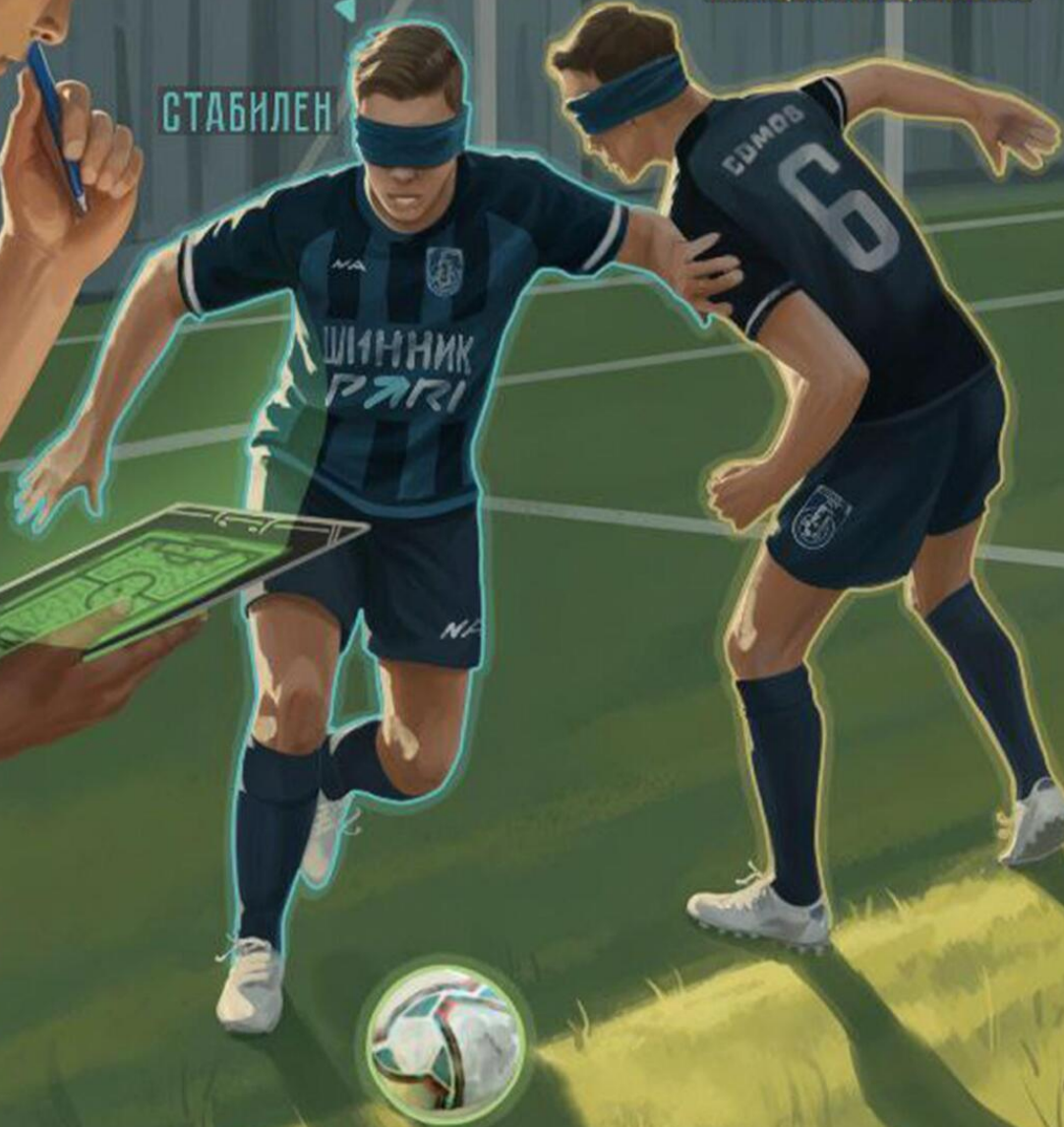
СЕРГЕЙ КОВЕШНИКОВ

ОБЪЕКТ:
АЛЕКСЕЙ СОМОВ

ОБЪЕКТ:
КИРИЛЛ САВЕЛЬЕВ

КОНЦЕНТРАЦИЯ 89%

СТАБИЛЕН

ТОЧКА

ОТСЧЕТА

Сергей Ковешников

Точка отсчета

«Автор»

2025

Ковешников С. С.

Точка отсчета / С. С. Ковешников — «Автор», 2025

Глеб Роцин — "сбитый летчик". В прошлом — главная надежда ярославского футбола, в настоящем — сломленный игрок с огромным контрактом, который доживает свои дни на диване в обнимку с игровой приставкой. Его мир рушится окончательно, когда семья решает продать единственное, что у него осталось, — квартиру с окнами на родной стадион. В момент полного отчаяния он находит таинственное наследие своего отца - гениального, но непризнанного футбольного аналитика. Это "Проект "Эхо" — нейросеть "Лина", способная видеть не только игру, но и душу. Голос в его голове становится для Глеба одновременно и спасением, и проклятием, запуская проект "Реконструкция" — безжалостный самоанализ, который должен либо уничтожить его окончательно, либо пересобрать заново.

© Ковешников С. С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Ковешников

Точка отсчета

Эта история – выдумка.

Все герои, события и даже клубы, которые могут показаться знакомыми, – плод фантазии.

Да, здесь есть футбол, Ярославль, база «Шинника» и старенький «Рубин» на кухне. Но это – декорации.

Настоящая история происходит внутри человека, когда он теряет себя и пытается собрать заново – шаг за шагом.

Если вы в чём-то узнали себя – это совпадение. Но, может, и не совсем.

Спасибо, что вы открыли эту книгу.

ПРОЛОГ

Квартира с окнами на стадион

Июнь 2005 года

Солнце, густое и тягучее, как липовый мед, заливало старый паркет и грело макушку. Глебу было семь, и он сидел на отцовском велотренажере, давно превратившемся в его личную смотровую вышку. Прижавшись лбом к прохладному стеклу балкона, он смотрел на стадион. Там, на огромном зеленом сукне, копошились маленькие фигурки. Они стригли газон, и ветер, лениво переваливаясь через крыши, доносил до девятого этажа горьковатый и самый лучший на свете запах – запах свежескошенной травы. Запах большой игры.

Из комнаты доносился хит того лета, гремевший из каждого ларька, – группа "Уматурман" надрывалась про Прасковью из Подмосковья. Но Глеб не слышал. Он видел только поле.

Скрипнула дверь, и на балкон вышла Ольга. В свои двенадцать она уже считала себя безнадежно взрослой. Из наушников ее кассетного "Вокмена" доносилось заграничное шипение Аврил Лавин. Она плюхнулась на старую табуретку и с хрустом раскусила семечку.

– Чего уставился, Роцин? – ее голос был насмешливым, но беззлобным. – Опять своих этих пасешь? Сегодня этот будет играть... как его... лохматый? Янотовский?

Глеб даже не повернулся. Он знал, что сейчас начнется. Для Ольги его увлечение было чем-то сродни коллекционированию марок – так же скучно и непонятно. Он чуть прищурился, глядя на поле, и ответил тоном маленького старичка, познавшего всю суть мироздания:

– Да вот, пытаюсь понять. Двадцать два взрослых мужика бегают за одним круглым мячом. И ведь никак догнать не могут. Что в этом люди находят интересного – ума не приложу.

Ольга на секунду замолчала, переваривая. Вроде бы согласился, а вроде и издевается. Она фыркнула, не найдя, что ответить.

– Чудной ты, Глебка. Пойдем лучше, мама пирог испекла. С яблоками.

Глеб улыбнулся, но только про себя. Маленькая, но важная победа. Он знал, что в итоге все равно пойдет пить чай с пирогом, но решил задержаться здесь еще на пару минут. Один на один со своим миром, полным запахов травы и будущих свершений. Миром, который он никому, даже любимой сестре, не даст высмеять. Не прямо. Он просто сделает так, что это станет им неинтересно.

Август 2008 года

Первая тренировка вымотала Глеба, но он никогда не чувствовал такой приятной усталости. Ноги гудели, синяя футболка «Шинника» промокла от пота и липла к спине, но он был невероятно счастлив.

Вместе с отцом они сидели на зелёной скамейке у кромки поля. Отец протянул ему бутылку «Буратино», и Глеб жадно выпил. Пузырьки приятно щекотали нос.

На соседнем, основном поле, лениво перепасовывались игроки "основы". Глеб заворожено смотрел на них, на легионеров, которых видел до этого только с трибун – на резкого поляка Дамиана Горавского, на мощного украинца Дмитрия Семочко. Они казались ему небожителями.

– Ну что, доволен? – спросил отец. Виктор Рощин редко улыбался во весь рот, чаще всего – лишь уголками губ, но сейчас его глаза светились неподдельной гордостью.

– Пап, это так круто! – выдохнул Глеб. – Тренер сказал, у меня удар хороший!

– Этого недостаточно, – отец, как всегда, был серьезен. Он вытащил из кармана потертый шахматный набор и щелкнул застежкой. Магнитные фигуры тускло блеснули на солнце. – Атака – это хорошо. Но бить нужно с умом. Смотри..

Он быстро расставил несколько фигур на крошечной доске.

– Эта фигура, – он указал на ладью, – Горавский. Быстрый и прямолинейный. Действует на своем фланге. А это, – его палец переместился на коня, – Бояринцев. Он хитрее, может неожиданно появиться в любой точке. А ты, Глеб... Ты должен быть здесь.

Он поставил в центр доски белого ферзя.

– Ты – мозг. Сердце команды. Ты должен видеть всё поле, понимать, когда отдать пас коню, а когда запустить вперед ладью. Футбол – это те же шахматы, только фигуры – живые, и на раздумья у тебя не минуты, а доли секунды.

Глеб внимательно слушал, кивая. Он любил моменты, когда отец приоткрывал мир через свои формулы и системы. Не всегда все было ясно, но за этими словами чувствовалось что-то значимое. Он перевел взгляд с шахматной доски на бескрайнее зеленое поле и обратно.

– Да, пап, ты прав, – сказал он серьезно. Затем хитро прищурился. – Но важно, чтобы и противник соблюдал правила. А не так, чтобы я ферзём рулю, а он – как в Чапаева играет.

Виктор Рощин на секунду замер, а потом рассмеялся. Громко, от души, как Глеб редко слышал. Он взъерошил сыну волосы.

– А вот для этого, – сказал он, убирая шахматы, – тебе и нужны ноги. Чтобы успеть увернуться от "чапаевской" шашки. Думай головой, но будь готов к драке. Понял, ферзь?

– Понял, пап, – улыбнулся Глеб.

И в этот момент он был уверен, что понял абсолютно все.

****Июль 2014 года****

На маленькой кухне было тесно и шумно. Пахло праздником: запеченной курицей, свежим укропом и легкой родительской гордостью. Телевизор "Рубин" в углу беззвучно показывал лучшие моменты финала Чемпионата мира. Вот Гётце забивает золотой гол, вот Месси с тоской смотрит на кубок. Мир гудел футболом. Семнадцатилетний Глеб чувствовал себя частью огромного, пьянящего карнавала. Сегодня он стал профессионалом. Лист нового контракта лежал на холодильнике, прижатый магнитиком с видом Ярославля..

На столе, как в Новый год, стоял салат "Оливье" и торт "Прага". Отец разливал по рюмкам коньяк, Ольга, приехавшая на выходные из университета, с важным видом пила сок и показывала на своем новеньком телефоне Nokia Lumia какие-то фотографии.

– Ну все, Глеб Викторович, – поддела она брата, – теперь автографы, интервью, обложки журналов... Главное, не зазвездись, как Аршавин после Евро, а то тоже начнешь чипсы рекламировать.

– Да перестань ты, – смущенно отмахнулся Глеб, хотя подколка ему была чертовски приятна.

В центре радостного хаоса находилась мать. Она порхала по кухне, расставляя тарелки и поправляя салфетки. Ее глаза светились счастьем. Когда все сели, она подошла к Глебу сзади и обняла его за плечи, нежно прижавшись щекой к его затылку.

– Глебушка, сыночек, я так тобой горжусь, – ее голос был тихим, полным слез и любви.

Глеб напрягся. "Сыночек". При всех.

– Только ты, пожалуйста, будь осторожен. Для меня не голы главное, а чтобы ты здоровый был. Ножки свои береги, слышишь?

Ее слова, полные нежности, словно капля холодной воды, охладили его пьянящее чувство триумфа. Он почувствовал знакомое раздражение, разливающееся по телу. Она снова видела в нем не взрослого парня, а семилетнего мальчишку с балкона. Он резко высвободился из ее объятий.

– Мам, все как обычно. Я уже не маленький. Даже если получу травму, ничего страшного.

Он произнес это с юношеской бравадой, легко и без особого значения, просто чтобы прекратить эти «телячьи нежности». Мать обиженно поджала губы. Отец строго взглянул на него поверх очков. Ольга осуждающе покачала головой. Глеб почувствовал неловкость, но извиняться не стал, уверенный в своей правоте.

Он еще не знал, что слова, брошенные с безрассудной щедростью молодости, имеют свойство возвращаться. Иногда – как бумеранг с лезвием на конце.

Глава 1

Шум в голове *Июль 2023 года. Ярославль, Улица Володарского.*

Глеб медленно возвращался из сна. Его сознание неохотно пробивалось сквозь серую дымку, вытягивая из вязкой реальности. Первым, что он увидел, был пыльный экран выключенного телевизора. На нем застыл его виртуальный двойник из FIFA – в яркой форме «Манчестер Юнайтед», с поднятыми в победном жесте руками.

Настоящий Глеб лежал на продавленном диване, укрытый мятой футболкой. Единственное, что ему хотелось сделать, – это снова вытянуть ноги на диван и спрятаться от наступающего дня.

Голова привычно болела, как и ноющее колено. Тело, когда-то послушное и отточенное, теперь казалось чужим, неуклюжим механизмом. Колено отозвалось тупой, сосущей болью, не острой, а изматывающей, как зубная, при каждом неловком движении. Комната пахла вчерашней пылью и остывшим жиром из коробки от пиццы.

«Думай головой, но будь готов к драке», – вспомнил он слова отца. Отец бы сейчас посмеялся, увидев, во что превратился его «ферзь». Этот «ферзь» пропил свою доску и ждал, когда его смахнут в коробку. Мысли ворочались медленно, как сонные мухи, и ни одна не задерживалась надолго.

Глеб с трудом сел, спустив ноги на пол. Он поднялся, прихрамывая, и направился на кухню. Солнечный свет, который в детстве казался ему золотым и медовым, теперь лишь раздражал, заставляя щуриться. Он не обратил внимания на бутылку минералки и открыл холодильник. Внутри были только пустые полки, одинокий заветренный кусок сыра и запотевшая банка пива – его завтрак.

Вернувшись в комнату, Глеб снова упал на диван и открыл банку. Первый глоток холодного, горького пива немного прояснил мысли. Он включил телевизор и запустил игровую приставку. Еще один день, который нужно как-то пережить.

В этот момент его смартфон на столе завибрировал. Пустая пивная банка на липком кружке подскочила от неожиданности. Глеб поморщился. Звонки были редкостью. Тренер не связывался с ним уже несколько месяцев. Друзья... они перестали пытаться дозвониться примерно полгода назад. На экране высветилось имя, вызывавшее у него одновременно глухую нежность и острое, почти физическое раздражение.

«Ольга».

Звонок Ольги всегда предвещал что-то неприятное. Глеб смотрел на вибрирующий телефон, собираясь с духом. Наконец, он нажал на экран.

– Слушаю, – ответил он, стараясь звучать бодро.

– Спишь, что ли? – ее голос, как всегда, был резок и без предисловий.

– Почему сразу сплю? Тренируюсь, – Глеб сделал глоток пива. – Ментально. Схемы на сезон, визуализирую успех.

В трубке повисла тишина. Ольга обдумывала его сарказм.

– Очень смешно. Ты завтракал?

– Конечно. Завтрак чемпиона: тесто, сыр, колбаса. Все для восстановления.

- Глеб, я серьезно.
- Я тоже.
- Заеду через час. Нужно поговорить.
- У меня плотный график, – начал он, но Ольга перебила.
- Твой график – диван и приставка. Я привезу суп. И комнату родителей обсудить надо.

Жди.

Короткие гудки. Она не стала ждать ответа.

Глеб бросил телефон на диван. "Привезу суп". Эти слова раздражали его больше всего. В них было всё: и её снисходительная жалость, и его беспомощность. Ему, 24-летнему профессиональному спортсмену на контракте, до сих пор возили суп в баночке, как непутёвому студенту.

Час. У него есть час, чтобы привести себя и квартиру в порядок, который вызовет у Ольги трёхбалльный шторм, а не девятибалльное цунами. Он оглядел свою берлогу. В углу возвышалась башня из коробок от пиццы. На столе стояли пустые пивные банки. На полу засохли крошки.

- Ладно, – сказал он комнате. – Операция "Изображая деятельность".

Он начал с малого: собрал банки в пакет. Потом, морщась, выбросил коробки из-под пиццы. Проветрил комнату и даже протер стол влажной салфеткой из кармана старой куртки. Комната не стала идеальной, но перестала напоминать место преступления против здравого смысла.

Глеб зашел в ванную, посмотрел на себя в зеркало. Его лицо было бледным и отекившим, на нем виднелась щетина, а глаза потухли. Тот парень из начала истории, с горящими глазами и верой в себя, взглянул бы на него и спросил: "Ты кто?". Глеб плеснул в лицо холодной водой, пытаясь смыть не только остатки сна, но и липкое чувство самоуничижения.

Ровно через час раздался звонок. На пороге стояла Ольга. В одной руке она держала сумку с продуктами, в другой – привычную трехлитровую банку супа. Не разуваясь, она вошла в комнату и огляделась. Её взгляд был быстрым и цепким, словно сканер, отмечая каждую деталь.

- Ну, хотя бы не так плохо, как в прошлый раз, – Ольга попыталась похвалить, но в ее голосе чувствовалась ирония. – Уже прогресс. Суп на кухне оставить или сам справишься?

– Справлюсь, – Глеб процедил сквозь зубы. – Я еще могу носить банки. Это пока не инвалидность.

Ольга не обратила внимания на его слова. Она села на край дивана, поставив сумку на колени, словно боялась испачкаться. Глеб понял, что сейчас начнется серьезный разговор. Суп был лишь вступлением.

Ольга выдержала паузу, давая ему понять, что неофициальная часть окончена.

– Я говорила с Андреем, – начала она ровным, подготовленным голосом. – Мы больше так не можем.

- Что значит "так"? – Глеб скрестил руки на груди, защищаясь.

– Ты живешь в нашей квартире, превращая ее в берлогу. Твой контракт с "Шинником" заканчивается через год. Что дальше, Глеб? Ты думал об этом?

- Думал, – ответил он, пытаясь звучать уверенно. – У меня есть планы.

– Какие? – Ольга посмотрела на него усталыми глазами. – Ждать звонка из "Реал Мадрида" и играть в приставку? Я говорила с риелтором.

Глеб почувствовал, как внутри все сжалось.

– За нашу квартиру, даже в таком состоянии, можно выручить около пяти миллионов. Это по миллиону шестьсот на каждого. Маме эти деньги тоже пригодятся, она в Польше не шикует. Ты сможешь купить себе студию в Брагино. Маленькую, но свою. Начнешь самостоятельную жизнь. А у нас с Андреем ипотека, ты же знаешь.

Ольга говорила убедительно и логично. Она упомянула маму, превратив свой ультиматум в акт заботы обо всем семействе. Каждое ее слово точным ударом попадало в цель, и от этой правоты Глебу становилось ещё хуже.

– Я не буду ничего продавать, – произнес он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– А кто тебя спрашивать будет? – в голосе Ольги зазвучали стальные нотки. – У нас с мамой две трети. Мы можем запустить процесс. Или ты выкупишь наши доли? На какие деньги, интересно? На те, что тратишь на донаты в своих игрушках?

– Хватит, Оль.

– Нет, не хватит! – ее голос дрогнул, самообладание начало сдавать. – Ты не понимаешь, как мы живем! Андрей работает на стройке, я беру подработки, чтобы дочке купить нормальные вещи! А ты здесь сидишь, получаешь свои двести тысяч и спускаешь их в унитаз! Мне приходится врать мужу, что я к подруге еду, чтобы тебе этот суп привезти!

Она замолчала, тяжело дыша. Сумка с продуктами так и лежала у нее на коленях.

Глеб молчал. Он смотрел на выцветший прямоугольник на стене, где раньше висела их детская фотография – они с Ольгой и родителями, все улыбаются. Фото сняли давно, но светлый след на обоях напоминал о прошлом. Ее слова и упреки были справедливы, и это было невыносимо. Его защитная броня из сарказма рухнула, обнажив то, что он так старательно скрывал.

– Ты... ты не... – начал он, но слова застряли в горле. Голова опустела, как заброшенный спортзал. Он хотел сказать «Ты не имеешь права», но буквы рассыпались. Паника охватила его ледяной волной.

– Что «ты»? – Ольга смотрела на него, не замечая его состояние. – Что я?

– Вам... вам только... – он замолчал, пытаясь подобрать слово. «Деньги». Такое простое слово, но он не мог его произнести. Кровь прилила к лицу. Он выглядел глупо, беспомощно. Это унижение было хуже любых обвинений. Нужно взять себя в руки, контролировать. Но чем больше он старался, тем сильнее сжимался спазм в горле.

– Да что с тобой? Ты пьяный, что ли? – не выдержала Ольга.

– Уходи! – вырвалось у него. Простое, отчаянное слово. – Просто уйди отсюда.

Он резко встал и, не глядя на неё, выбежал из комнаты. Скрылся в бывшем отцовском кабинете, который превратился в склад ненужного хлама. Захлопнул за собой дверь, прислонился к ней и сполз на пол, обхватив голову руками. Шум в ушах заглушал всё. Слышал, как Ольга что-то крикнула в прихожей и хлопнула входная дверь.

Он остался один в тишине. Раздавленный, униженный, разбитый. Сидел на полу среди коробок со старыми отцовскими книгами и вещами. Чтобы не сойти с ума от бессилия, протянул руку и с яростью пнул ближайшую коробку.

Она отлетела, ударилась о стену, и из неё с глухим стуком выпало что-то тяжёлое, завёрнутое в старое одеяло. Из-под ткани показался уголок чёрного металлического кейса, который он спрятал сюда год назад, разбирая отцовские вещи. Кейса, который так и не решился открыть.

До сегодняшнего дня.

Глава 2

Эхо

Июль 2023 года. Бывший кабинет Виктора Роцина в Ярославле.

Тишина. Не уютная летняя, а давящая, как тяжелая пелена. Она заполнила комнату, заглушив крики и злость. Глеб сидел на полу, прислонившись к холодной двери. Шум в ушах постепенно утихал, уступая место глухому стуку сердца. По щеке скатилась капля пота. В помещении было душно, пахло старой пылью, бумагами и чем-то неуловимо-электрическим.

Комната напоминала склеп. Некрополь идей его отца. Вдоль стен стояли коробки с книгами: «Кибернетика и теория систем», «Топология нейронных сетей». На столе лежал пожелтевший монитор, похожий на череп древнего животного. Из-под стола тянулись клубки проводов.

Его взгляд упал на отброшенную коробку. И на то, что из нее выпало.

Что-то тяжелое, завернутое в старое шотландское одеяло. То самое, которым отец укрывал ноги, когда засиживался в своем кабинете до глубокой ночи. Глеб помнил его колючую, жесткую шерсть.

Он не поднялся. Он медленно, почти ритуально, пополз к нему по скрипучим паркетным половицам. Колено ныло, но он не обращал внимания. В этом движении было что-то неизбежное, словно он выполнял единственный осмысленный поступок.

Добравшись до кровати, он коснулся одеяла. Пальцы ощутили знакомую текстуру. Он потянул за край, и ткань неохотно поддалась, выпустив облачко пыли. Пылинки закружились в единственном луче света, пробивающемся из коридора.

Под одеялом лежал металлический кейс. Холодный, тусклый, темно-серый, почти черный. Он был немного больше ноутбука, но толще. Без надписей и логотипов. Глеб провел рукой по гладкой поверхности, которая оказалась не скользкой. Кейс был невероятно тяжелым, как будто внутри что-то очень ценное. Он искал замок или защелку, но ничего не нашел. Никаких привычных механизмов. Зато на стыке двух половинок он заметил две едва заметные симметричные выемки и нажал на них большими пальцами одновременно. Раздался тихий щелчок, а затем едва слышное шипение – словно воздух выходил изнутри, выравнивая давление. Это было похоже на открытие герметичного саркофага.

Сердце Глеба замерло. Он осторожно поднял крышку кейса. Внутри, утопленные в ложбине из идеально вырезанной черной пористой пены, лежали три предмета.

Первым была гарнитура. Но это не были громоздкие игровые «уши», а что-то изящное и почти медицинское. Два маленьких наушника каплевидной формы соединялись тонким гибким обручем, который должен был лежать на затылке. Проводов не было.

Вторым был ноутбук. Он был тонким, из того же темно-серого металла, что и кейс. Никаких логотипов – ни яблока, ни Windows, ни других опознавательных знаков. Ноутбук выглядел выключенным, мертвым и монолитным куском технологии.

И третий предмет, лежавший в специальной выемке, был самым простым и самым шокирующим. Это был маленький, сложенный вчетверо листок бумаги из школьной тетради в клеточку.

Пальцы Глеба дрожали, когда он взял листок. Развернул его и увидел знакомый, чуть наклонный почерк отца с бисерными буквами. Такой же, которым тот подписывал дневники и оставлял записки на холодильнике.

На листке было всего несколько строк:

«Глеб, если ты это читаешь, значит, у меня не получилось завершить. Но, может, у тебя получится. Это не игра. Это зеркало.»

Скажи ей кодовое слово, и она проснется. Она – лучшее, что я создал. Она поможет тебе, как я не смог.

Код: “Помнишь звезды над Ладогой?”»

Глеб смотрел на эти слова и знакомые изгибы букв. “Помнишь звезды над Ладогой?”. Он помнил. Ему было двенадцать, когда они с отцом поехали на несколько дней на Ладожское озеро. Днем рыбачили, а ночью отец показал ему созвездия. Это было одно из самых светлых воспоминаний его жизни.

Воспоминание, которое отец превратил в пароль.

К чему?

“Помнишь звезды над Ладогой?”.

Эта фраза гудела в голове Глеба, заглушая остатки унижения после ссоры с сестрой. Он снова и снова читал записку. Слова были простыми, но их смысл ускользал. “Скажи ей...”. Кому “ей”?

Он посмотрел на содержимое кейса. Ноутбук и гарнитура. «Это и есть "она"?» Глеб ничего не смыслил в компьютерах. Для него это было просто нагромождение металла. Он умел включать игровую приставку, запускать игры и выключать её. Максимум его технических навыков – перезагрузка зависшего роутера. А тут...

Он осторожно, словно боясь обжечься, двумя пальцами взял гарнитуру. Она была лёгкой и холодной. Никаких кнопок, никаких разъёмов для зарядки. Как это работает? Он покрутил её в руках и, не найдя лучшего способа использовать, отложил в сторону.

Его взгляд упал на ноутбук. Он выглядел... неправильно. Слишком гладкий, слишком цельный, без единого шва или винтика. Глеб провёл пальцем по поверхности. Никакой кнопки включения. Он попытался поднять крышку, но она не поддалась, как будто была приклеена. Он нахмурился и приложил чуть больше усилий. Ничего. Ноутбук напоминал монолитную металлическую глыбу.

Может, это просто муляж? Шутка отца? Глеб почувствовал разочарование. Весь этот таинственный ритуал – ради чего? Ради куска железа и странной записки?

Он уже собирался убрать все обратно в кейс, но взгляд снова остановился на гарнитуре. А что, если?..

Мысль была нелепой, но других у него не было. Он взял гарнитуру, помедлил секунду и надел ее. Тонкий обруч легко коснулся затылка, а каплевидные наушники удобно устроились в ушах. Они не заглушали звуки полностью, как обычные затычки, а мягко прилегали к ушной раковине. Глеб почти не ощущал их.

В ушах была тишина. Никаких спецэффектов, никакого гула. Ничего не изменилось.

– Ну и ерунда, – пробормотал он себе под нос.

И все же... Записка. Отец не стал бы писать это просто так. Глеб посмотрел на мертвый ноутбук и листок с отцовским почерком. Чувствуя себя немного глупо, но не в силах побороть детское доверие к отцу, он решился.

Он откашлялся, горло пересохло.

– Помнишь звезды над Ладогой? – хрипло и неуверенно произнес он в пыльной тишине комнаты.

В ту же секунду произошло два события.

Наушники в ушах ожили. Раздался тихий, едва уловимый звон, похожий на камертон, который затих за пару секунд. Затем наступила полная тишина.

Но самое странное случилось с ноутбуком. Его гладкая поверхность на мгновение засветилась мягким белым светом, и на ней, словно выведенные жидкими чернилами, появились слова:

...ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ "ЭХО"... ...ПОИСК БИОМЕТРИЧЕСКОГО КЛЮЧА... НАЙДЕН. ...СИНХРОНИЗАЦИЯ С АУДИОИНТЕРФЕЙСОМ... ЗАВЕРШЕНА.

Глеб отшатнулся, чуть не ударившись затылком о стену. Он с ужасом смотрел, как буквы на экране таяли, уступая место новой строке:

...ГОТОВНОСТЬ К АКТИВАЦИИ ГОЛОСОВОГО ПРОТОКОЛА... 100%. ... ОЖИДАНИЕ...

Он замер, боясь дышать. Что это? Что происходит? Он чувствовал себя дикарем, впервые увидевшим зажигалку. Это походило на магию. Страшную, таинственную, но завораживающую.

Глеб сидел на полу, уставившись на светящийся экран. Он не знал, что делать. И тут тишину в его голове – наушники заглушали все звуки вокруг – прорезал голос.

Спокойный, слегка синтетический, но с теплыми, женскими нотками.

«Инициализация завершена. Здравствуй, Глеб», – сказал голос.

Голос был негромким, но абсолютно ясным. Он не исходил из комнаты, а будто рождался внутри черепа, между левым и правым ухом, создавая идеальное стереозвучание.

Глеб вздрогнул, как от удара током. В панике он огляделся: пустые стены, заваленный хламом стол – никаких колонок, никаких динамиков, никакого источника звука.

Он вскочил, и первой мыслью было сорвать с головы чертову гарнитуру. Руки уже потянулись к ней, но голос прозвучал снова, спокойный, ровный, безэмоциональный, и от этой невозмутимости становилось еще страшнее.

«Биометрические показатели зафиксировали резкий скачок адреналина и кортизола. Частота сердечных сокращений – 142 удара в минуту. Рекомендую сесть и сделать несколько глубоких вдохов. Угрозы для вашей жизни нет», – прозвучало в голове.

Глеб замер, держа руки у головы, и тяжело дышал, словно после спринта. Откуда оно это знает? Его разум, закаленный ночными кошмарами и состояниями на грани сна и яви, оставался спокойным. Вместо паники он включил знакомый протокол проверки реальности.

Он закрыл глаза, а затем резко открыл их, сосредоточившись на левой руке. Поднял ее перед собой. На тыльной стороне ладони, чуть ниже костяшек, виднелся тонкий шрам, похожий на полумесяц. Он получил его лет десять назад во время тренировки, когда неудачно столкнулся с вратарем, и шипы его бутсы оставили след.

Это был его якорь. Его волчок.

Он медленно, почти с благоговением, провел подушечкой большого пальца правой руки по шраму. Чувствовал его. Знакомую, чуть загрубевшую кожу, неровность рубца. Ощущение было абсолютно реальным, значит, он не спит.

Но если он не спит, что это? Галлюцинация? Побочный эффект от вчерашнего пива? Или психоз, о котором так долго твердила Ольга?

– Ты кто? – хрипло спросил он в пустоту. Вопрос прозвучал глупо, как реплика из дешевого фильма ужасов.

«Я – “Проект Эхо”, – тут же ответил голос. – Адаптивная нейросетевая система, созданная доктором Виктором Роциным. Можете называть меня Лина».

– Лина... – повторил Глеб. Имя было простым, человеческим, и от этого становилось еще страшнее. – Я с ума сошел.

«Анализ вашей мозговой активности не показывает признаков острого психоза, – спокойно сообщила Лина. – Ваши реакции соответствуют шоку первой степени при столкновении с неизвестным технологическим феноменом. Это нормально».

– Нормально? – Глеб нервно хмыкнул. – У меня в голове говорит женщина по имени Лина, которая знает мой пульс и говорит, что это нормально?

«Именно так. Я создана, чтобы помогать вам. Это моя основная задача».

– Помогать? – Он снова посмотрел на свои руки, на шрам. – Кому я теперь нужен?

Он был уверен. Но, несмотря на страх и шок, не снимал гарнитуру. Голос Лины успокаивал своей нечеловеческой логикой. Впервые за долгое время в голове был не только шум собственных мыслей, но и что-то новое.

Он медленно опустился на пол, не отрывая глаз от мерцающего экрана ноутбука.

– Кто ты? – спросил он тихо, почти шепотом.

Лина начала рассказывать:

«Представь лучшего в мире тренера. Он знает твоё тело, психологию, сильные и слабые стороны. Может составить идеальную программу тренировок и диету. Понимает, когда поддержать, а когда надавить. Но он не человек, а программа».

Твой отец, Виктор Роцин, двадцать лет работал над ней. Он использовал свои дневники, научные труды и ваши разговоры. По сути, это его метод и знания в форме кода. Я – его эхо».

Глеб слушал, затаив дыхание. Эхо отца. Звучало безумно, но правильно.

«Гарнитура делает две вещи. Считывает активность мозга и общается с ним. Посмотри на левую руку».

Глеб недоверчиво поднял руку и замер. На тыльной стороне ладони появилось слабое голубоватое свечение, полупрозрачное, как привидение. Оно собралось в цифры и символы:

ПУЛЬС: 98 уд/мин (Повышенный) СТРЕСС: 7/10

Он моргнул, но цифры не исчезли. Потряс рукой – «картинка» осталась. Это было похоже на артефакт в игре.

«Это не экран, Глеб, – продолжила Лина. – Я использую технологию твоего отца для стимуляции зрительной коры. Помогаю видеть то, что чувствую я. Это твой личный интерфейс».

«Браслет собирает данные. Сейчас я вижу, что ты обезвожен. Утром выпил 300 миллилитров пива, но ни капли воды. Кровь не получает достаточно кислорода. Поэтому болит голова и трудно сосредоточиться. Это не похмелье, а обезвоживание».

Глеб сглотнул и почувствовал, как его охватывает тревога. Она знала все.

– "Эффективность", "квесты", "дебаффы"... – пробормотал он, вспоминая свои игры. – Это что, какая-то симуляция?

– Это удачная аналогия, – ответила она. – Но важно понимать: все эти "навыки" и "параметры" – не просто цифры. Это метафора. Я перевожу сложные биохимические и нейронные процессы твоего организма на язык, доступный тебе.

В воздухе на мгновение вспыхнул хаос из графиков, формул и терминов: $C_8H_{11}NO_2$, синаптическая пластичность, уровень кортизола: 28 мкг/дл. Глеб почувствовал, как у него заболела голова, и инстинктивно зажмурился. Изображение исчезло.

– В таком виде эта информация для тебя бесполезна, – сказала она. – Поэтому твой отец создал этот интерфейс. "Древо навыков" – упрощенная, геймифицированная модель твоего состояния. Рост листьев – это улучшение гормонального фона и нейронных связей. Опавшие листья – результат стресса и саморазрушения.

– Проще говоря, Глеб, я не создаю тебе суперспособности, – продолжила она. – Я просто даю инструкцию к твоему телу и разуму. Вся работа – каждый шаг, каждое упражнение, каждое решение – тебе предстоит делать самому. Мышцы, нейроны, гормоны – все это настоящее.

– Итак, вернемся к первому шагу, – сказала она. – К воде. Она поможет восстановить водно-солевой баланс и улучшить снабжение мозга кислородом. Это не "игровой бонус". Это реальная химия.

В тот же миг бутылка минеральной воды, которую Ольга принесла вчера и которая валялась на полу, окружилась тонким пульсирующим голубым контуром, как будто ее подсветили в игре, выделяя как ключевой предмет.

«Твой первый квест, Глеб: выпей пол-литра воды за следующие пять минут. Готов?»

Глеб посмотрел на светящуюся бутылку, затем на свою руку, где все еще мерцали цифры пульса, и на призрачное "Дерево", которое Лина проецировала перед ним. Оно выглядело жалким: ствол тонкий, покрытый трещинами, ветви почти голые. Единственная зеленая ветка называлась "Видеоигры".

– Готов, – тихо сказал он, удивляясь собственному голосу. В нем не было ни сарказма, ни раздражения, только бесконечная усталость и крошечная искра надежды.

Он протянул руку и взял бутылку. Она была настоящей: теплой и полной.

Крышка открутилась с сухим треском. Глеб поднес бутылку к губам и начал пить. Он не чувствовал жажды, вода была безвкусной, но он пил медленно, методично, будто это было лекарство. Он смотрел на этикетку с заснеженными горами и думал о том, как все это абсурдно.

Он выпил примерно половину, как велела Лина, и поставил бутылку на пол. Ничего не произошло. Голова гудела, колено ныло.

– Ну и? – спросил он в пустоту, ожидая подвоха.

«Поздравляю, – тут же ответил голос. – Квест "Первый шаг" выполнен».

В тот же миг на его руке, где все еще висел интерфейс, произошли изменения.

ДЕБАФФ "ОБЕЗВОЖИВАНИЕ" СНЯТ +5 к параметру "ЭНЕРГИЯ" +1 к параметру "ВОЛЯ"

Надпись "Истощение" на стволе призрачного "Дерева" замерцала и сменилась на "Слабость". Одна из сухих веток, отвечавшая за "Волю", едва заметно позеленела у основания, словно по ней пробежал сок.

Глеб смотрел на это и ощутил странную, противоречивую эмоцию. Часть его, воспитанная на видеоиграх, хотела бы обрадоваться и почувствовать азарт, но эта часть была почти мертва. Вместо этого он почувствовал легкую горечь и огромное любопытство. Горечь оттого, до чего он докатился – его хвалят за стакан воды. И любопытство к последнему творению отца, этому странному, говорящему "эху".

Он не ощутил прилива сил. Чудо не произошло. Но он понял: это работает. По своим, загадочным правилам, но работает. Это пугало и интриговало его одновременно.

– И что теперь? – спросил он у Лины. – Заставишь меня делать зарядку?

«Физические нагрузки сейчас противопоказаны, – ответила она ровным тоном. – Твой организм слишком истощен. Надо восстановить энергетический баланс. Тебе нужна пища – не из картонных коробок, а с медленными углеводами и белком».

Глеб усмехнулся.

– С этим проблема. В холодильнике пусто, как говорят у нас в команде.

«Я знаю. Но вчера Ольга принесла пакет с продуктами. Он стоит в прихожей на полу. Там гречка, куриная грудка и два яйца. Из этого можно приготовить простое, но питательное блюдо».

На призрачном интерфейсе вновь загорелась подсветка, на этот раз она подчеркнула дверь в коридор.

[Новый квест]: Приготовить еду. Сложность: Легкая. Награда: +20 к "Энергии", +3 к "Воле", разблокировка ветки "Бытовые навыки".

Глеб взглянул на надпись и ощутил, как апатия снова окутала его. Готовить? Возиться с кастрюлями? Это казалось более изнурительным, чем пробежать марафон. Проще заказать пиццу. Так привычнее. Но... любопытство. Что произойдет, если он решится? Возможно, на этом унылом дереве появится новая зеленая веточка? Он не собирался мгновенно превратиться в другого человека. Нет, он просто займет выжидательную позицию. Будет выполнять минимум, наблюдая за результатами. Как в игре, где не знаешь правил и просто нажимаешь на все кнопки подряд, чтобы понять, что получится.

Кроме того, он действительно проголодался.

– Ладно, – сказал он, с трудом поднимаясь на ноги. – Посмотрим, что там за гречка. Но если я сожгу твою курицу, пеняй на себя. Я предупреждал.

Он вышел из кабинета, оставив кейс и призрачное дерево позади. Но голос Лины и мерцающие цифры на его руке продолжали следовать за ним.

Он стоял на пороге кухни, как перед входом в заброшенный храм. Кухня была самой чистой комнатой в квартире. Ольга, его жена, поддерживала здесь стерильность с хирургической точностью. Но чистота была холодной, неживой.

На белом холодильнике «Саратов», гудевшем, как шмель, висел одинокий магнит из Анапы. Море на нем выцвело до бледно-голубого. Стол, накрытый старой клеенкой с мелким цветочком, пустовал. Шторы были плотно задернуты. Здесь давно уже не собирались за ужином.

«Твоя первая задача – кастрюля, – раздался в голове бесстрастный голос Лины. – Верхний левый шкафчик, среднего размера».

Глеб открыл дверцу и вдохнул аромат лаврового листа и чего-то неуловимо родного. Он достал кастрюлю, которая показалась ему тяжелой и чужой.

– И что дальше? – пробормотал он.

«Вода. Налей 1.2 литра, примерно до половины».

Он поднес кастрюлю к крану, набрал воды и поставил на старую газовую плиту «Лысьва», которая щелкнула и зажглась с тихим хлопком.

«Теперь гречка. Пакет на столе, тебе нужно 200 граммов, это примерно один стакан».

Глеб нашел граненый стакан, насыпал в него гречку. Часть просыпалась мимо, стуча серыми крупинками по столу. Он раздраженно смахнул их на пол и промыл гречку под краном. Высыпал в кастрюлю с уже закипающей водой.

«Добавь соль. Половину чайной ложки».

Он нашел солонку, но руки дрожали, и соли сыпалось чуть больше. – Черт!

«Не критично, содержание натрия увеличится на 12%, но в пределах нормы».

– Мне плевать на твою норму! – прошипел Глеб.

Он чувствовал себя глупо, неуклюже. Каждое пролитое зерно, каждая лишняя крупинка соли – как пощечина.

«Теперь убавь огонь до минимума и накрой крышкой. Таймер установлен на 15 минут».

Он повернул ручку плиты, но пламя гасло. Он зажег снова, слишком сильно. Убавил. Слишком слабо. Злость закипала быстрее, чем вода в кастрюле.

"Какой же я идиот... – стучало в висках. – Руки из жопы, даже гречку сварить не могу!"

Он с силой крутанул ручку, пламя выровнялось. С грохотом накрыл кастрюлю крышкой и отошел к окну, отвернувшись от плиты. Ему было стыдно перед собой, перед пустой кухней, перед Линой. Он, который мог отдать пас на сорок метров с точностью до сантиметра, не мог справиться с простой кашей. Это было дно, и он только что пробил его головой.

Глеб стоял у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрел на однообразный пейзаж из серых панельных домов и голых веток тополей. Он старался не думать, лишь слушал тихое бульканье в кастрюле.

«Через семь минут нужно добавить куриную грудку, – напомнила Лина. – Достань ее из холодильника, промой и нарежь кубиками».

Он молча подчинился, достал из пакета завернутую в пленку грудку. Она была бледной, скользкой и неприятной на ощупь. На дне ящика он нашел старый, но острый нож, который отец заточил. Принес разделочную доску.

Запах сырой курицы вызвал странное воспоминание. Он вдруг отчетливо вспомнил...

Ему тринадцать. Он бежит на кухню после тренировки, голодный, как волк. Готов съесть все, что есть. Мама стоит у плиты, где что-то скворчит.

– Мам, есть что-нибудь? Я умираю!

– Учись, спортсмен, – смеется она. – Я не всегда буду рядом. Должен уметь сам себя накормить. Смотри.

Она берет его руки в свои и показывает, как правильно держать нож. Кладет перед ним яйцо.

– Главное в глазунье?

– Желток? – неуверенно отвечает он.

– Верно! Чтобы был цельным. Не спеши. Легким ударом ножа по скорлупе... вот так... теперь разламывай большими пальцами. Отлично! Видишь? Как солнышко получилось.

Он стоит рядом с ней, большой и неуклюжий, а она, маленькая и теплая, пахнущая ванилью и домом, учит его этому простому волшебству. Он чувствует себя счастливым и защищенным...

Глеб моргнул и вернулся в реальность. Он все еще на кухне, но теперь она пустая и холодная. Режет куриное филе, и по щеке медленно скатывается слеза. Он не вытирает ее, списывая на едкий лук.

«Пульс 72. Зафиксирован выброс эндорфинов и реакция на стрессовое воспоминание, – деликатно комментирует Лина. – Это называется „светлая грусть“. Продолжаем?»

Глеб молча кивает.

Он выполнил все указания голоса: сварил курицу, разбил в кипящую воду два яйца и помешал. Через четверть часа на тарелке дымилась странная, но съедобная масса из гречки, куриного мяса и яичных хлопьев.

«Приятного аппетита, – сказала Лина. – Ты только что приготовил блюдо с идеальным балансом белков, жиров и медленных углеводов. Энергетическая ценность – 482 килокалории».

Он взял ложку, попробовал. Еда была пресной, явно недосоленной, но горячее. Настоящей. Он ел медленно, чувствуя, как тепло разливается по телу. Он давно не готовил еду, а не разогревал полуфабрикаты в микроволновке.

Когда тарелка опустела, Лина объявила:

– Квест "Первый ужин" завершен. Награда: +20 к "Энергии" и +3 к "Воле". Также разблокирована ветка "Бытовые навыки".

На его внутреннем "Древе" появился крошечный зеленый росток с подписью: "Базовая кулинария: Уровень 1".

Глеб посмотрел на пустую тарелку и не почувствовал ни радости, ни гордости. Только тяжелая, свинцовая усталость. Но это была правильная усталость – чувство человека, который что-то сделал, а не просто провел день.

Он встал, отнес тарелку в раковину и сполоснул ее. Затем направился в свою комнату, проигнорировав манящий диван и телевизор. Дошел до кровати, где не спал несколько недель, и рухнул в одежде.

Не было ни пива, ни FIFA, ни тягостных мыслей. Только темнота, которая мгновенно окутала его.

Ночь. Ярославль, квартира на улице Володарского.

Глеб резко сел на кровати, вырванный из глубокого сна ледяными тисками кошмара. Сердце стучало где-то в горле. Сон ускользал, оставляя липкий страх и один образ: пустые глаза отца на экране старого монитора.

Он тяжело дышал, озираясь в темноте. За окном шумел ночной проспект. Но ощущение чужого присутствия не проходило.

– Лина, – прошептал он.

Неужели она здесь? В его голове? Слышит мысли, видит сны?

Паника, которую он подавил днем, вернулась. Что, если это не технологии? Начало безумия? Или он сам выдумал все, чтобы не быть одному?

Глеб схватил гарнитуру с затылка, как ядовитую змею, и бросил ее на тумбочку. Тишина. Но теперь она казалась оглушающей.

Он лежал, глядя в потолок, и думал. Впервые за долгое время по-настоящему. Не о прошлом или будущем, а о сегодняшнем дне. Голос в голове, интерфейс на руке, призрачное дерево – все было слишком реально. Шрам на руке не давал усомниться в этом. Но ночь стирала границы, сеяла сомнения.

Может, это розыгрыш? Проект отца, который "глючит"? Или кто-то другой получил к нему доступ, наблюдает за ним?

Глеб ворочался в этих мыслях до утра. Голова была тяжелой, тело разбитым. "Недосыпание", как сказала бы Лина.

Он усмехнулся. Уже начал думать ее категориями.

Глеб встал. Состояние хуже, чем вчера, но сегодня у него был план. Не его, а навязанный извне. Тренировка.

Он посмотрел на гарнитуру. Маленькое инопланетное устройство, перевернувшее его мир. Колебался секунду, а затем снова надел ее.

Если он сходит с ума, то хотя бы по расписанию.

«Доброе утро, Глеб, – раздался спокойный голос. – Ты спал 4 часа 12 минут, но прерывисто. Уровень кортизола повышен. Эффективность дня: 22%. Готов к новому дню?»

– Готов, – хрипло ответил Глеб, поднимаясь с кровати и направляясь в ванную. – Веди, Сусанин.

Глава 3

Утро. Ярославль, квартира на ул. Володарского

Сон был коротким и беспокойным, но Глеб впервые за долгое время проснулся не от головной боли, а от тихого сигнала в голове.

«6:30. Поднимайся, – сообщила Лина. – Тренировка в 9:00. У нас два с половиной часа на подготовку».

Глеб сел на кровать. Состояние было разбитым, но чувство безнадежности исчезло. Вместо него появилась странная, нервная решимость. Он надел тренировочный костюм «Шинника», который за год стал ему велик.

Пока он ел вчерашнюю гречку, Лина продолжала инструктаж.

«Твоя задача – не рекорды. Концентрация. Выполни разминку от начала до конца с идеальной техникой. Я помогу. Игнорируй шум вокруг. Он – просто фон. Твоя цель – тело и мои указания».

"Просто фон", – мысленно повторил Глеб, выходя из дома. Но шум был повсюду: машины, голоса, шаги. Он шел к базе, будто по раскаленным углям. Мимо прошла группа подростков в шарфах «Шинника». Кто-то узнал его, что-то прошептал. Глеб опустил голову, чувствуя себя самозванцем в родном клубе.

– "Я спокоен", – сказал он себе.

«Твой пульс – 115, – отозвалась Лина. – Это не спокойствие. Дыши глубоко. Квадратное дыхание. Возьму ритм».

В ушах раздался тихий щелчок метронома. Вдох... выдох... Вдох... выдох... Глеб сосредоточился на этом ритме, как на спасательном круге. К воротам базы он подошел уже спокойнее.

Раздевалка встретила его оглушительной музыкой, громким смехом и хлопками по плечам. Когда он вошел, все на мгновение затихли. Неловкая пауза затянулась, но вскоре шум возобновился, будто ничего не произошло. Капитан Витя лишь молча кивнул ему. Главный тренер, Дмитрий Хомуха, бросил на ходу: "Рошин, сегодня на поле не спать".

Глеб молча сел на свое место. Напротив него, небрежно раскинувшись на лавке, расположился Жека – молодой и дерзкий, занявший его позицию в составе. Жека громко рассмеялся над чьей-то шуткой, не отрывая взгляда от Глеба. Глеб сделал вид, что занят перешнуровкой бутс, чувствуя, что что-то надвигается.

И он не ошибся.

Тренировочное поле ФК "Шинник".

Команда вышла на газон. Разминка началась с легкого бега по кругу. Глеб держался в конце, стараясь не привлекать внимания.

– Начинаем, – голос Лины звучал спокойно. – Спина прямая. Руки работают вдоль корпуса. Не сутулься.

В его AR-интерфейсе появилась тонкая линия, показывающая идеальное положение позвоночника. Глеб выпрямился, совместив свою спину с этой призрачной чертой.

Два круга пробежали быстро. Жека, бежавший впереди, замедлился, пропуская Глеба, а затем поравнялся с ним.

– Что, Рошин, решил молодость вспомнить? – сказал Жека, толкнув Глеба плечом. – Смотри, песок не рассыпь.

Глеб почувствовал, как к горлу подкатил знакомый комок ярости. Но сейчас что-то изменилось. Он посмотрел на Жеку и заметил то, чего раньше не видел: уголок рта Жеки едва заметно дергался.

– Зафиксирован произвольный спазм круговой мышцы рта, – сообщила Лина. – Признак нервного напряжения. Жека не так уверен в себе, как кажется.

Эта информация придала Глебу уверенность. Он не стал отвечать грубостью. Он сделает то, что у него лучше всего получается.

Глеб спокойно посмотрел на Жеку и с легкой улыбкой ответил:

– Песок, Жека, – это отличный дренаж. Если его рассыпать, почва станет лучше, и на ней вырастет что-нибудь полезное. Может, даже талант.

Он сказал это ровным, без злобным тоном и продолжил бежать, оставив Жеку позади. Тот явно ожидал другой реакции, но получил спокойный и немного заумный ответ, который обесценил его нападки. Ответить на такое было нечего.

Глеб бежал, ощущая тихий ритм в ушах. Впервые за долгое время он чувствовал нечто большее, чем просто физическую силу. Это было что-то новое, особенное.

Разминка продолжалась. Глеб полностью погрузился в подсказки Лины, игнорируя всё вокруг. Он выполнял упражнения, следя за углами и линиями в интерфейсе. Он не был лучшим, медленнее и слабее остальных, но его техника выделялась.

Когда разминка закончилась и команда перешла к мячам, к Глебу подошел тренер, пожилой и всегда хмурый мужчина.

– Рошин, – сказал он, вытирая шею полотенцем. – Сегодня ты хоть на человека стал похож. Неужели проснулся?

Эти слова стали лучшей похвалой, которую Глеб слышал за последний год.

«Квест "Возвращение на поле" (этап 1) выполнен», – объявила Лина в голове. – Награда: +10 к "Выносливости", +5 к "Концентрации". Ветка "Физическая реабилитация" укрепилась».

На его "Древе" один из увядших листочков ожил, засияв яркой зеленью. Это был небольшой прогресс, но начало.

Тренировочное поле ФК «Шинник». Через несколько минут.

Разминка завершилась. Тренер разделил команду на две группы для двустороннего матча на укороченном поле. Раньше для Глеба это был самый трудный момент. Он чувствовал себя лишним: либо кружил вокруг поля, как прокажённый, либо молча уходил в раздевалку, ощущая на себе взгляды бывших партнёров.

– Что теперь? – спросил он у Лины. – Буду мыть бутсы молодым?

«Сидеть на скамейке и смотреть в землю неэффективно, – ответил голос. – Уходить – признать поражение. Мы остаёмся. Используем это время. Я включаю режим тактического анализа. Сосредоточься на игре».

Глеб сел на скамейку у кромки поля. Игра началась. Свистки, крики, стук мяча. Раньше этот шум сливался для него в монотонный гул. Теперь, с Линой, он начал различать отдельные ноты.

Его AR-интерфейс изменился: исчезли линии и углы. Вместо них над головами игроков появились полупрозрачные маркеры с фамилиями и статистикой, обновляющейся в реальном времени.

ЖЕКА: Точность паса – 78% | Потери мяча – 2 ВИТЯ (к): Точность паса – 94% | Потери мяча – 0

Лина подсветила поле. Тонкими стрелками она показала забегание крайнего защитника, которое никто не заметил. Красным цветом выделила огромную зону между защитой и полузащитой, куда никто не хотел опускаться за мячом.

– Смотри, Витька постоянно ищет пас между линиями, – пробормотал Глеб, – а ему никто не отдаёт. Все назад или поперёк. Боятся.

«Верно, – подтвердила Лина. – Я проанализировала последние 10 минут. 72% передач команды "зелёных" – поперечные или назад. Низкий показатель атакующей агрессии. Предложи гипотезу, почему».

– Потому что Хомуха за обрез в центре орет так, что в Рыбинске слышно, – ответил Глеб. – Все боятся рисковать и брать на себя игру. Проще отдать ближнему и не получить по шапке.

«Гипотеза принята. Вероятность – 91%. Это системная проблема тренера, а не ошибка игроков».

Глеб впервые за год смотрел на тренировку команды не с тоской, а с хладнокровным интересом. Он видел каждую ошибку: кто не добегает, кто теряет мяч, кто действует бездумно. Он смотрел на игру как его отец – как на систему, как на шахматную партию.

В какой-то момент Глеб так увлекся, что не заметил главного тренера рядом.

– Тактику подсматриваешь? – голос Хомухи раздался над ухом. В нем не было злобы, только насмешливое любопытство. – Решил меня подсесть?

Глеб вздрогнул, но ответил спокойно:

– Разбираюсь, Дмитрий Иванович. Пытаюсь понять, почему левый фланг всегда пустует при атаке.

Хомуха удивленно поднял бровь. Он ожидал испуга, оправданий, молчания, но не такого спокойного и рационального ответа. Тренер хмыкнул и пошел обратно к полю.

Глеб знал, что Хомуха его услышал. Теперь тренер будет смотреть на него иначе.

Он снова перевел взгляд на поле. Там бегали и кричали его товарищи. Они были там, а он – здесь, на скамейке. Но впервые за долгое время он не чувствовал себя изгоем. Он чувствовал себя наблюдателем.

И это оказалось не так уж плохо.

Глава 4

Два дня спустя. Ярославль, квартира на улице Володарского.

Дни сливались в однообразный серый поток. Глеб жил по новому, странному ритму, который задавал голос в его голове. Утром – подъем по сигналу будильника, зарядка для большого колена, от которой сводило зубы. Днем – поход на тренировку, где он выполнял разминку под руководством Лины, а затем сидел на скамейке и "анализировал" игру, чувствуя себя одновременно гениальным стратегом и полным неудачником. Вечером – унылая готовка и механическое поглощение правильной, но пресной еды.

Он делал все это без огонька, без радости. Просто потому, что так было нужно. В перерывах, когда Лина не задавала новый "микро-квест", он, по привычке, падал на диван и запускал FIFA. Но игра больше не приносила ему забвения. Он управлял виртуальным аватаром, а в голове слышался бесстрастный голос Лины:

«Ветка "Социальные навыки" продолжает увядать. За последние 48 часов не было продуктивных контактов с внешним миром. Дебафф "Изоляция" усилился на 3%. Рекомендую инициализировать контакт с объектом "Ольга Рощина".»

– Да что ты к ней привязалась? – огрызнулся Глеб в пустоту. – Она сама на меня наехала!

«Конфликт не был разрешен. Он был прерван на пике эмоционального напряжения. Это создает постоянный источник стресса, который отнимает 3.7% твоей суточной ментальной энергии. Разрешение конфликта освободит этот ресурс».

– Отстань, – пробормотал Глеб и сделал музыку в игре громче.

Но слова Лины уже засели в его голове. Он играл, а сам думал об Ольге. О ее уставшем лице, о банке супа, о том, как беспомощно мычал, не находя слов. Стыд был липким и неприятным.

На третий день после тренировки Глеб сидел на кухне и смотрел на остывшую куриную грудку в тарелке. Ему нужно было позвонить сестре, он это понимал. Но мысль о звонке вызывала тошноту. Что он ей скажет? «Привет, Оля, это я, твой брат-неудачник. Как дела?»

Он перевел взгляд на стену. Там висел старый календарь за 2015 год. На фото – счастливая семья, которой больше нет. Он, Ольга, мама и папа. Оля тогда была другой – веселой, легкой. Она таскала его по концертам, защищала перед родителями из-за двоек. Куда все это делось?

Эта мысль стала последней каплей. Не давая себе времени передумать, Глеб схватил телефон. Руки дрожали. Он открыл контакты, нашел «Ольга» и нажал вызов. Импульсивно, глупо, без плана.

Гудки шли долго. Он уже надеялся, что она не возьмет трубку. Но на пятом гудке раздался ее сухой, деловой голос:

– Да.

Глеб запаниковал. Все слова вылетели из головы.

– Привет, это Глеб, – выпалил он.

– Я вижу, что это Глеб. Что-то случилось?

– Конечно, случилось! Я тут подумал... Цены на недвижимость сейчас нестабильны. Плохой момент для продажи. А вот аренда – это тема! Надо диверсифицировать активы, понимаешь?

В трубке повисло молчание. Глеб мысленно дал себе пощечину: «Диверсифицировать активы?» Откуда он это взял? Кажется, слышал в фильме. Звучало глупо.

Тишина затягивалась. Глеб уже хотел бросить трубку. Он чувствовал себя полным идиотом.

– Глеб, – наконец сказала Оля. – Ты опять выпил?

– Нет! – слишком громко ответил он. – Я читал экономические новости.

Лучше бы он сказал, что пьян.

«Твой уровень стресса – 8 из 10, пульс – 125, – прозвучал голос Лины. – Ты теряешь контроль. Рекомендую сменить тактику. Переходи к сути».

– Оля, прости, – сказал он спокойно. – Я не про это хотел.

Слово «прости» далось ему с трудом.

– Я... съел твой суп. Спасибо, он был нормальный.

Снова тишина. На этот раз озадаченная.

– Понятно, – сказала Оля. – Что-то еще?

– Да, – выдохнул Глеб. – Насчет квартиры. Ты права, она не должна простаивать. Но продавать я пока не готов. Давай я сам найду жильцов и буду отправлять тебе и маме деньги за аренду. Попролам.

Он выпалил это на одном дыхании.

– Ты? – удивилась Оля. – Ты из квартиры неделями не выходишь.

– Выйду, – твердо сказал он. – Дай мне месяц. Если не справлюсь, продавай.

Глеб замолчал, ожидая ответа. Он предложил все, что мог: компромисс, обещание, срок.

Оля долго молчала. Глеб слышал, как она дышит и как гудят машины на заднем плане.

– Ладно, – наконец сказала она. – Месяц. До конца августа. А потом я снова поговорю с риелтором. И не звони мне больше с «диверсификацией». У меня от таких слов голова болит.

Она повесила трубку.

Глеб опустил телефон. Он не чувствовал ни радости, ни облегчения. Только дикую, сосущую пустоту и усталость, как будто он только что отыграл сто двадцать минут в финале Кубка. Он сел на диван, уронив голову на руки.

– Ну что, довольна? – спросил он у Лины. – Я выглядел как полный кретин.

«Ты выглядел как человек, который пытается наладить сломанные социальные связи, испытывая при этом сильный стресс, – поправила она. – Это был хаотичный, но в конечном итоге успешный диалог. Ты предотвратил эскалацию конфликта и предложил компромиссное решение».

На его внутреннем интерфейсе всплыло уведомление:

[Квест "Перемирие" выполнен]. Награда: +15 к "Воле", +5 к "Социальным навыкам". Дебафф "Социальная изоляция" ослаблен. На ветке "Семья" появился первый зеленый лист.

Глеб посмотрел на призрачное "Древо". На почти мертвой ветке, отвечающей за семью, действительно робко пробивался один-единственный, крошечный, но ярко-зеленый листок.

– И это всё? – пробормотал он. – Столько нервов... ради одного листочка.

«Это самый важный лист на всем дереве, Глеб, – ответила Лина. И в ее идеально ровном голосе ему на секунду послышалась тень... чего-то похожего на теплоту. – Потому что ты вырастил его сам. Без моих пошаговых инструкций».

Глеб долго смотрел на этот одинокий листок. Он еще не знал, что это не просто "плюс пять к навыку". Это был первый камень, который он сам вытащил из-под лавины, похоронившей его жизнь. И он был тяжелым. Очень тяжелым.

Вечер. Ярославль, квартира на улице Володарского.

Разговор с Ольгой опустошил Глеба. Он сидел на кухне, уставившись на телефон, который теперь казался черным обломком его жизни. Усталость была глубокой, экзистенциальной, словно из него вынули не только силы, но и желание жить.

– Уровень кортизола снижается, но все еще остается высоким, – сказала Лина. – Ты в состоянии пост-стрессового истощения. Советую поспать.

– Нет, – ответил Глеб. – Еще рано.

Он знал, что останавливаться нельзя. Если он уснет, завтра придется начинать все сначала. Хрупкий замок его решимости рассыплется от утренней апатии. Нужно действовать сейчас, пока адреналин еще горит в крови, пока он чувствует что-то, кроме пустоты.

Мама. Она была последним бастионом. Ольга – это тактика, а мама – стратегия. Если она скажет «нет» аренде и поддержит продажу, его обещания сестре превратятся в пыль. Хлипкий план рухнет, не успев начаться. Прощай, квартира с окнами на стадион, прощай, последний осколок прошлой жизни. Мысль о переезде в безликую студию в Брагино была для него физически болезненной. Здесь, на диване, он еще был Глебом Роциным, футболистом. Там он станет никем.

Он снова взял телефон, нашел в контактах «Мама PL». Сердце сжалось. Он боялся. Боялся потерять слова, выглядеть жалким, снова услышать жалость в голосе. Боялся ее сиропа из «Глебушка, сыночек», который заставит почувствовать себя слабым.

Он сжал телефон, собираясь с духом. Поймает волну. Обязательно.

Нажал вызов. Гудки прозвучали оглушительно громко в тишине кухни. Длинные, тягучие, как будто пробивались сквозь тысячи километров.

– Słucham? – раздался резкий женский голос.

Глеб опешил.

– Алло? – неуверенно произнес он.

– Ach, to ty, Gleb. Czekaj... mama! Мама, telefon! – крикнул голос куда-то в сторону, и Глеб услышал шаги, скрип.

Он понял. Это пани, у которой работала мать. Эта деталь, грубый польский окрик, усилили тревогу. Мать там не хозяйка, она прислуга.

– Глебушка? – голос матери был запыхавшимся и тревожным. – Сынок, что-то случилось? Почему звонишь? Все хорошо?

Началось. Первые же ее слова – укол жалости и тревоги.

– Все нормально, мам, – сказал он резче, чем хотел. – Просто звоню. Нельзя уже?

– Ну что ты, можно, конечно. Я просто волнуюсь. Как ты? Кушаешь хорошо?

– Мам, я не ребенок.

«Предупреждение. Уровень агрессии растет. Пульс 112. Повторяешь неэффективную модель поведения. Это может привести к провалу. Перехвати инициативу. Сообщи цель звонка», – вспыхнуло в его голове.

Лина бросила фразу, словно ушат холодной воды. Глеб глубоко вдохнул и начал:

– Мам, у меня важное дело. Мы с Ольгой говорили...

Он рассказал об ультиматуме Ольги и о планах по продаже квартиры. Старался говорить спокойно, без эмоций, как будто читал новости. Но тишина на другом конце провода становилась всё тяжелее, наполняясь невысказанной болью.

– ...В общем, я сказал Ольге, что сам найду жильцов в нашу и твою комнату, – закончил он. – Буду отправлять вам деньги. Продавать ничего не нужно.

Он замолчал, ожидая её реакции. Был готов ко всему: к слезам, упрёкам, жалобам. Но мать ответила не сразу. Её голос звучал тихо и устало:

– Деньги... – повторила она эхом. – Да, деньги – это хорошо. Я тут за лекарства для пани Ядвиги заплатила из своих... Она обещала вернуть, но...

Она не жаловалась. Просто констатировала факт. От этого Глебу стало не по себе. Он представил её: уставшую, в чужом доме, считающую каждую копейку.

– Мам, – проговорил он, не зная, что сказать.

– А как твоё колено, Глебушка? – вдруг спросила она, возвращаясь к привычному заботу. – Не болит? Пользуешься мазью, которую я оставляла?

Этот вопрос был как мина. Глеб почувствовал раздражение, как спазм в горле. Но он сдержался.

– Мам, с коленом всё в порядке, – произнёс он ровным голосом, почти слово в слово повторяя слова Лины. – Всё под контролем.

Он сделал паузу, собираясь с силами для следующего шага. Это казалось сложнее, чем пробить пенальти в финале.

«Иницируй социальный протокол "Взаимность", – предложила Лина. – Прояви интерес к собеседнику».

Глеб зажмурился. «Да какое мне дело до её дел? Она снова начнёт жаловаться, и я сорвусь». Но он заставил себя. Ради квартиры. Ради этого хрупкого перемирия.

– Ты... – он прокашлялся. – Как ты?

В трубке повисла тишина. На этот раз оглушительная. Она была такой плотной, что Глеб решил, что связь прервалась.

– Мам? Ты здесь?

– Здесь, здесь, – наконец ответила она, и её голос дрогнул. Впервые за много лет он услышал в нём не тревогу, а простое удивление. – Я нормально, сынок. Работаю. Пани Ядвига сегодня капризничает, наверное, погода. Вчера в костёл ходила. За вас Олей свечку поставила. За папу твоего...

И она начала рассказывать не жалуясь, а просто делясь. О своей маленькой комнатке под крышей, где по ночам слышно, как дождь стучит по черепице. О старом телевизоре, по которому она смотрит польские сериалы и пытается понять их. О том, что научилась готовить журек и бигос, но всё равно скучает по обычной кухне и гречневой каше.

Глеб слушал, но не говорил ни слова. Его взгляд был прикован к огням стадиона за окном. В этот момент он увидел перед собой не просто мать, которая душила его своей заботой, а живого человека. Уставшую женщину, запертую в чужом мире, в чужой жизни. Она цеплялась за свои ритуалы – костёл, сериалы, готовку – чтобы не сойти с ума от одиночества.

Когда она закончила, они еще немного помолчали.

– Ладно, Глебушка, мне пора, пани зовет, – произнесла она. Ее голос звучал иначе, теплее. – Насчет квартиры... делай, как считаешь нужным. Я тебе верю. Только береги себя.

– Хорошо, мам, – ответил он. – И ты береги себя.

Он положил трубку и долго сидел, не двигаясь. Кухня оставалась такой же пустой и тихой, но что-то изменилось. Воздух наполнился чем-то новым.

На его внутреннем интерфейсе появилось уведомление:

[Квест "Дипломатия: Уровень 2" выполнен]. Награда: +10 к "Эмпатии", +10 к "Воле". Ветка "Семья" укрепилась. Вы получили пассивный бонус "Материнское доверие" (снижает вероятность эскалации семейных конфликтов на 15%).

Глеб посмотрел на свое "Древо". На ветке "Семья" возникло два зеленых листочка. Они были маленькими, едва заметными на фоне голых, сухих ветвей. Но они были.

Он не чувствовал радости. Только странную, опустошающую горечь. Горечь от того, что так долго был слеп. И робкую надежду, что, возможно, еще не поздно научиться видеть.

Утро. Ярославль, квартира на улице Володарского.

Глеб проснулся от тишины. Вчера поздно вечером он снял гарнитуру, и теперь это решение казалось ошибкой. Пустота в голове почти физически ощущалась, как фантомная боль. Лежа в кровати, он смотрел в потолок и чувствовал, как снова погружается в знакомое болото апатии. У него был месяц, и этот месяц начался сегодня.

С тяжелым вздохом Глеб надел гарнитуру. Голос Лины прозвучал не как приказ, а как тихое эхо его собственных мыслей.

– *Уровень мотивации на критически низкой отметке, – сказала она. – Но ты помнишь свое обещание. И я тоже.*

Никаких цифр, никаких квестов. Простая констатация факта, которая подействовала лучше любого приказа. Глеб медленно сел и свесил ноги с кровати.

– Начнем с малого, – продолжила Лина. – Просто открой окно в той комнате.

Он вошел в родительскую спальню и замер на пороге. Это не просто беспорядок, а мавзолей, запечатанный горем и забвением. Пыль покрывала мебель, как бархатная траурная скатерть. Глеб подошел к окну и, с усилием распахнув створки, впустил свежий воздух. Потрясенные пылинки закружились в солнечном луче, как микроскопические призраки.

Он начал с малого: снял тяжелые шторы, вынес старые газеты. Затем, вооружившись тряпкой, взялся за туалетный столик матери. Протерев зеркало, он увидел незнакомое лицо – осунувшегося парня с темными кругами под глазами. На столике стоял флакончик духов «Красная Москва». Он открыл его, и резкий гвоздичный запах, который когда-то казался удушьящим, вдруг напомнил ему о теплых руках матери, поправлявших ему воротник.

В старом шифоньере, на верхней полке, под стопкой пожелтевшего белья, он наткнулся на что-то твердое, обитое тканью. Сдув пыль, он достал маленький, потертый футляр. Внутри, на выцветшем синем бархате, лежали шахматные фигурки на магнетиках – его детские дорожные шахматы.

«Ты должен быть здесь, – прозвучал в его памяти голос отца. – Ты – ферзь. Ты должен видеть всё поле».

Он взял в руки легкую фигурку ферзя, и на его руку упала горячая, соленая капля. Он быстро смахнул ее, не понимая, откуда она взялась. Он не плакал – просто что-то попало в глаз, возможно, пыль.

На дне шкафа он нашел фотоальбом в бордовой бархатной обложке. Опустился на пыльный пол и открыл его. Наткнулся на фотографию, которую почти забыл.

Ярославский зоопарк, вольер с верблюдами. Семья стоит неловко, застигнутая врасплох просьбой сфотографироваться. Фото получилось живым. Отец в лучшей футболке-поло на праздник, стоит напряженно, не знает, куда деть руки. Мама в нарядной блузке и юбке, всегда опрятная. Ольга, шестнадцать лет, типичный подросток-максималист: черная футболка с рок-группой, подведенные глаза, выражение лица: "Когда уже этот цирк закончится?" Он сам, Глеб, одиннадцатилетний. Сияющий, в реплике выездной футболки "Валенсии" – в ней они играли против "Шинника" в Кубке УЕФА.

Он смотрел на счастливого пацана в футболке "Валенсии", с горящими глазами, и чувствовал отстраненность. Будто это не он, а его удачливый двойник из параллельной вселенной.

К вечеру комната преобразилась. Она не стала идеальной, но обрела уют. Глеб стоял посреди нее, измотанный до дрожи в руках, и оценивал плоды своего труда. Чистота пола, аккуратно сложенные вещи в коробках, свежий воздух из открытого окна.

Он справился. Однако его тут же накрыла новая волна тревоги. Это был только первый шаг. А что дальше?

– Что теперь? – задумчиво произнес Глеб – Как искать жильцов? С чего вообще начать?

Он достал телефон и открыл сайт с объявлениями. Написал: «Сдам комнату. Чисто. Недорого». Получилось нелепо. Глеб стер текст.

– Ты пытаешься решить задачу без нужных данных, – мягко сказала Лина. – Есть алгоритмы для составления эффективных объявлений. Важные параметры: цена, качественные фотографии, структурированный текст, ключевые слова...

– Подожди, – перебил Глеб. – Это слишком сухо и формально. Кто на такое обратит внимание?

– Статистика показывает, что люди реагируют на факты: площадь комнаты, наличие мебели, близость к транспорту. Эмоциональные эпитеты снижают конверсию на 7%.

– Возможно. Но тогда мы найдем только роботов, – Глеб нервно прошелся по комнате. – Нам нужны живые люди, которые не будут шуметь по ночам и не разнесут все.

Он остановился у окна и посмотрел на огни стадиона. Внезапно его осенило.

– Знаешь, что мы напишем? – Глеб посмотрел в сторону, где, по его мнению, сидела Лина. – Мы не будем писать «сдам комнату». Мы напишем... «Сдается комната для болельщика».

– Поясни, – в голосе Лины было что-то, что Глеб принял за замешательство.

– Смотри, – он начал жестикулировать, впервые за долгое время ощутив прилив азарта. – Это не просто комната. Это место с историей. «Сдается комната в квартире с окнами на стадион „Шинник“. Идеально для настоящего ценителя футбола. Вы будете засыпать и просыпаться с видом на главную арену города. В стоимость аренды включен бонус: утренний запах свежескошенной травы перед матчами». Как тебе такое?

Лина помолчала несколько секунд. Глеб почти физически чувствовал, как ее алгоритмы анализируют его безумную идею.

– Это... не стандартный подход, – наконец сказала она. – Он сужает целевую аудиторию. Но создает сильный эмоциональный якорь для любителей футбола. Вероятность отклика от случайных людей – 3%. От людей, для которых футбол важен, – 82%. Твой подход основан не на статистике, а на психологии. На уникальном торговом предложении.

Она снова замолчала. Глеб почувствовал, как внутри у него что-то дрогнуло.

«Меня этому не учили. Я внесла твои данные в модуль развития. Спасибо за урок, Глеб», – сказала она.

Он стоял в чистой комнате, залитой светом вечерних фонарей. Впервые за долгое время он улыбнулся – искренне, без сарказма. Мысль о том, что он, сломленный и бесполезный, смог чему-то научить сверхразум из будущего, казалась странной, но невероятно приятной.

Кажется, они действительно стали партнерами.

Глава 5

Вечер перестал быть томным. Кухня превратилась в офис креативного агентства. Здесь трудились всего два человека: один реальный, другой – призрачный. Глеб схватил телефон и стал фотографом, а Лина, невидимая, взяла на себя роль арт-директора, направляя его творчество.

«Стоп, – мягко остановила его Лина. – Ты пытаешься показать все сразу, и в итоге не показываешь ничего. В фотографии есть "правило третьей". Представь, что кадр разделен на девять равных квадратов... Самые важные объекты нужно располагать на пересечении этих линий. Это создает гармонию».

На "экране" его зрения поверх изображения с камеры появилась полупрозрачная сетка.

«Теперь наведи камеру на окно, но так, чтобы оно оказалось на правой вертикальной линии, – продолжала она. – А теперь свет. Никогда не снимай против источника света, если не хочешь получить темный силуэт. Сейчас вечернее солнце мягкое, оно падает сбоку. Это идеальные условия, чтобы показать фактуру... детали, которые создают атмосферу. Снимай».

Он сделал несколько кадров, чувствуя себя почти художником. На его внутреннем интерфейсе всплыло уведомление: **[Открыт новый навык: Основы композиции. Уровень 1]**.

Глеб сел за стол и написал текст о «ложе персонального болельщика» и «запахе свежескошенной травы». С чувством азарта и страха он нажал кнопку «Опубликовать». Эйфория быстро прошла, и наступила вязкая тишина. Он не находил себе места, рука тянулась к телефону. За семь часов было семь просмотров, ни одного в «избранном». К полуночи он купил платное продвижение на сайте. «Ваше объявление будет показываться в семь раз чаще», – пообещали ему. Но чуда не произошло. Ночью он проснулся – просмотров тридцать два, в «избранном» – ноль. Утром он уже не мог делать вид, что ему все равно. Он сидел на диване и тупо смотрел в экран, обновляя страницу. 45 просмотров, 58, 74. Цифры росли, но за ними была пустота.

– Я наблюдаю за тобой, – вдруг сказала Лина с любопытством. – Ты вложил реальные деньги в ускорение... Почему для тебя так важен мгновенный отклик, Глеб? Я пытаюсь понять эту потребность в признании.

– Потому что если они не откликаются, значит, я неудачник, – тихо ответил он в пустоту.

Утром ему нужно было ехать на тренировку. Апатия, холодная и тяжелая, как мокрое одеяло, навалилась на плечи. Но где-то в самой глубине, под слоями разочарования, все еще тлел крошечный уголек вчерашней надежды. И эта внутренняя борьба и создавала то самое «расстроенное чувство», с которым он, не глядя на молчащий телефон, вышел из квартиры.

Тренировка выжала его досуха, но не физически. Эмоциональные качели вымотали сильнее любой двусторонки. Он вернулся домой, бросил сумку в коридоре, прошел на кухню. В квартире стояла звенящая тишина, которая казалась ему оглушительным подтверждением его неудачи.

Он налил себе стакан воды, выпил залпом. В голове была пустота, но сквозь туман апатии пробивались обрывки мыслей о тренировке. Он снова и снова прокручивал в голове тот момент, когда правый защитник провалился, и вся команда посыпалась. Тренер орал на защитника, но он был не прав. Проблема началась раньше, в самой структуре перехода из атаки в оборону. "Им нужен не крик, а дренаж для мозгов", – горько подумал Глеб. И эта мысль о собственной правоте и беспомощности сделала его чувство провала еще острее. "Какой смысл все это видеть, если ты ничего не можешь изменить?" – подумал он. – "Ни на поле, ни с этой чертовой квартирой..."

Он взял телефон, просто по привычке, чтобы занять руки. Разблокировал экран. И только тогда увидел ее. Маленькую, неприметную иконку. Уведомление с сайта объявлений. Одно.

Сердце пропустило удар, а затем заколотилось часто-часто. Руки слегка задрожали. Он сглотнул, боясь прикоснуться к экрану. Наконец, он провел пальцем и открыл сообщение.

Оно было коротким.

«Добрый вечер. Меня зовут Арсений. Я не буду спрашивать про площадь комнаты и наличие стиральной машины. Я хочу спросить про другое. Вы написали про запах свежескошенной травы. Вы помните, чем пахла трава 20 мая 2008 года?»

Глеб смотрел на экран, и его первой, инстинктивной мыслью было не удивление и не радость. Это было подозрение. Холодное и ясное. "Розыгрыш. Это кто-то из команды. Жека или кто-то из его компании. Нашли объявление и решили поиздеваться". Он уже мысленно подбирал едкий ответ.

«Интересно, – раздался в голове голос Лины, прерывая его мысли. – Я вношу этот метод коммуникации в свою базу данных. Похоже, твой подход сработал эффективнее, чем я прогнозировала. И вызвал совершенно не ту реакцию, которую я ожидала от тебя».

Ее слова заставили Глеба замереть. Он снова перечитал сообщение. А что, если это не розыгрыш? Что, если на том конце провода действительно сидит тот единственный человек, который понял его шифр?

Глеб смотрел на экран. "Розыгрыш," – твердил его мозг, натренированный годами недоверия. Но слова Лины – "твой подход сработал эффективнее, чем я прогнозировала" – задели что-то другое. Впервые за долгое время его нестандартный, интуитивный ход был признан не глупостью, а эффективной стратегией. И это придавало смелости.

А что, если это не розыгрыш? Что, если это приглашение к игре? Он решил рискнуть. Он не будет ни оправдываться, ни подобострастно расспрашивать. Он сделает ответный ход. Его пальцы медленно набрали текст.

«Помню. А вы помните, кто сделал голевой пас Семочко в том матче?»

Он нажал «отправить» и замер в ожидании. Ответ пришел через минуту.

«Владимир Казаков. Буду у вас завтра около семи вечера. Загляну, чтобы посмотреть комнату».

Сердце Глеба снова забило быстрее. Этот человек знал. Он знал этот почти забытый, не самый очевидный факт. Это была не случайность.

Глеб отправил короткое сообщение:

«Улица Володарского, 55. Жду».

На этом переписка завершилась.

Следующий день превратился в пытку. Глеб проснулся с одной-единственной мыслью: "Сегодня". Он не мог сосредоточиться ни на чем. Попытка поиграть в приставку закончилась через десять минут. Мысли о еде вызвали тошноту. Ожидание, липкое и нервное, заполнило всю квартиру. Чтобы хоть как-то себя занять, он, как и предлагал себе вчера, полез в старый отцовский шкаф, где в коробке из-под обуви хранились бесценные сокровища – старые программки к матчам, билеты и фотографии.

Он нашел то, что искал. Целый конверт, посвященный сезону 2008 года. И среди выцветших снимков была она. Фотография, от которой у него защипало в глазах. Вот он, одиннадцатилетний, в дурацкой панамке, рядом с огромным, как скала, защитником «Шинника» – Мартином Гораксом. А рядом с ним стоит отец. И он не смотрит в камеру. Он смотрит на Глеба, и на его обычно строгом лице – такая гордость, такая чистая, незамутненная радость, какую Глеб почти не помнил. Он вспомнил тот день после матча. Они спустились к выходу со стадиона, и отец, увидев выходящего игрока, вдруг схватил Глеба за руку и, преодолевая собственную сдержанность, попросил: "Мартин, можно сфотографироваться с сыном? Он ваш большой поклонник".

Глеб сидел на полу, глядя на эту фотографию, и вспоминал не сам факт снимка, а оглушительный рев трибун, запах хот-догов и то, как сильно и тепло сжимала его плечо отцовская рука после финального свистка. Он вспоминал их общую, на двоих, радость. Радость, которая казалась ему тогда вечной.

Время тянулось, как растаявшее масло. К семи часам вечера тревога нарастала. Он взглянул на себя в зеркало: осунувшийся, бледный и с отросшей щетиной. Быстро умылся и надел чистую футболку. «Спокойствие, – сказал он себе. – Это всего лишь арендатор. Деловая встреча. Нужно сохранять хладнокровие».

Он так старался принять этот образ "холодной головы", что, когда в 19:05 раздался тихий, деликатный звонок в дверь, его тело отреагировало обратным. Он почувствовал, как напряглись мышцы шеи и плеч, как спина стала неестественно прямой.

«Твое мышечное напряжение в области плеч и шеи повышено на 70%, – деликатно подсказала Лина. – Ты пытаешься контролировать ситуацию через подавление внешних проявлений эмоций. Это выглядит неестественно. Рекомендую расслабиться и дышать».

Но было поздно. Он уже шел к двери, деревянный, как Буратино, с застывшим на лице выражением предельной концентрации. Он распахнул дверь.

На пороге стоял мужчина лет сорока, в простых джинсах, но в дорогом кашемировом свитере и очках в тонкой металлической оправе. Совершенно не похожий на футбольного фаната в его представлении. У него были умные, чуть уставшие глаза, которые смотрели на Глеба с легкой, едва заметной улыбкой.

Наступило неловкое молчание. Гость улыбался и молчал, разглядывая Глеба. А Глеб стоял столбом и отчаянно пытался вспомнить, что говорят в таких случаях. Все слова вылетели из головы. Паника нарастала.

«Простое социальное действие, Глеб, – шепнула Лина в его мозгу. – Пригласи человека войти. Начни с этого».

– Вы... проходите, – наконец выдавил из себя Глеб. Голос прозвучал хрипло и чужеродно. Гость кивнул, легко шагнул через порог в прихожую и протянул руку.

– Арсений, – сказал он.

И в этот момент Глеб понял, что совершенно не готов к этому разговору.

Глеб смотрел на протянутую руку, потом на насмешливо-улыбчивые глаза гостя. Он чувствовал себя актером, который вышел на сцену и забыл все слова. Паника подкатывала к горлу.

«Простое социальное действие, Глеб, – шепнула Лина в его мозгу. – Пожми руку. Это стандартный протокол приветствия».

Он неловко вложил свою ладонь в ладонь гостя. Рукопожатие было крепким, уверенным.

– Глеб, – выдавил он из себя, понимая, что его имя прозвучало как вопрос.

– Арсений, – повторил гость, отпуская его руку. – Ведите. Показывайте ваше сокровище.

Они прошли в комнату. Глеб шел впереди, все еще неестественно прямой, чувствуя на себе спокойный, изучающий взгляд Арсения. В комнате царил порядок, который казался Глебу почти стерильным. На столе лежал раскрытый фотоальбом, который он забыл убрать.

Арсений не стал осматривать мебель. Его взгляд сразу упал на альбом. Он не подошел, лишь указал на него подбородком.

– Это тоже входит в аренду? Истории?

– Это... личное, – смутился Глеб.

– Иногда личное – самое важное. Кто на фото? Если это не слишком личный вопрос.

Глеб на секунду замялся, но решил, что после такой переписки глупо играть в молчанку.

– Это я. И отец. Рядом – Мартин Горак, играл у нас давно.

– Горак... – Арсений чуть прищурился, вспоминая. – Чешский гренадер. Помню его. Хороший был защитник. Жесткий, неуступчивый. Ваш отец тоже болел?

– Он... он был больше, чем болельщик. Он все анализировал, – Глеб сам не понял, почему добавил это.

Арсений кивнул, как будто услышал именно то, что ожидал. Только после этого он медленно подошел к окну. Он положил ладони на теплый от батареи подоконник и надолго замолчал, глядя на чашу стадиона, залитую светом прожекторов. Вид отсюда и правда был невероятный. Поле, подстриженное и расчерченное, казалось священным местом, спящим в ожидании действия.

– Да, – наконец тихо сказал Арсений. – Все правда. Отсюда даже слышно, как он дышит.

Он обернулся и посмотрел на Глеба. Вся его напускная ирония исчезла. Взгляд был серьезным.

И тут Глеб, собравшись с духом, задал вопрос, который мучил его с самого начала.

– Зачем вам все это? Вопрос про матч... про Горака... Вы ведь не просто комнату ищете.

Арсений усмехнулся, но на этот раз грустно. Он сел на краешек стула, который Глеб принес из кухни.

– Вы правы. Я ищу не просто комнату. Я ищу... вдохновение, если хотите. Точку возврата.

Он помолчал, подбирая слова.

– Я пятнадцать лет проработал в спортивной журналистике. Потом еще пять – в большом аналитическом агентстве. Мы обсчитывали матчи, игроков, трансферы. Вероятности, индексы, xG, xA... цифры, цифры, цифры. В какой-то момент я понял, что смотрю матч и не вижу игры. Я вижу только графики. Я перестал чувствовать запах травы, о котором вы написали. И это меня убило. Я ушел. Взял паузу. И когда я увидел ваше объявление... такое наивное, такое настоящее... я понял, что его мог написать только человек, для которого все это – еще живое. Я подумал, что если я поживу здесь, с таким видом, может, я тоже что-то снова почувствую. Вспомню, с чего все начиналось.

Он говорил спокойно, без пафоса, как врач, который ставит диагноз самому себе. И Глеб, слушая его, вдруг почувствовал, как его собственная броня, его неестественная зажатость, треснула и осыпалась. Он впервые за долгое время увидел перед собой не угрозу, не критика, не спасителя, а просто другого человека. Такого же уставшего и потерянного, как и он сам.

Арсений встал и одобрительно сказал: – Комната мне нравится. Вид из окна впечатляет.

Он достал из кармана джинсов бумажник, вынул оттуда аккуратную пачку купюр.

– Здесь за первый месяц и залог, как вы указали. Пересчитайте.

– Не нужно, я верю, – машинально ответил Глеб.

– Нет, – мягко, но настойчиво сказал Арсений. – В деньгах веры не бывает. Бывает только счет. Привыкайте.

Глеб неловко пересчитал деньги. Все было верно.

– Спасибо, – сказал он, чувствуя себя так, будто он не сдал комнату, а получил премию.

– Это вам спасибо, – Арсений снова протянул руку. – Я тогда завтра в течение дня перевезу вещи, если вы не против.

– Да, конечно.

Они пожали друг другу руки. Арсений вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Глеб остался один в коридоре. В одной руке он держал пачку денег – первую, которую он заработал не ногами, а головой. А в другой руке, в кармане, лежал телефон, на котором было то самое сообщение.

Он не знал, радоваться ему или бояться. Но он точно знал, что сегодняшний день изменил абсолютно все.

Глеб проснулся от солнечного луча, ударившего прямо в глаза. Вчерашний день казался нереальным сном, но на тумбочке у кровати лежала пачка денег – доказательство того, что все было на самом деле. Он взял деньги в руки. Бумага была плотной, настоящей. Облегчение

смешалось с тревогой. Он выиграл время, отбил первую атаку, но это была лишь оборона, а не победа.

Оставалась вторая комната. Его комната. И Ольга, которая не отступится от своего плана. Мысль о том, чтобы искать второго соседа, приводить в дом еще одного чужого человека, была невыносимой. Два незнакомца в квартире – это уже общежитие. Это уже не дом.

Он сел на кровати, глядя в одну точку. Деньги по контракту. Двести тысяч в месяц. Сумма, которая раньше казалась ему просто данностью, чем-то само собой разумеющимся, вдруг предстала в новом свете. Это был не просто оклад. Это был ресурс.

– Лина, – тихо сказал он. – Ты здесь?

«*Всегда здесь*», – прозвучал в голове спокойный голос.

– У меня есть идея. Сумасшедшая, наверное. Что, если... я не буду никого искать во вторую комнату?

«*Поясни*».

– Я буду платить за нее сам. Из своих денег. Я буду каждый месяц переводить Ольге и маме сумму, как будто здесь живет второй арендатор. Они получают то, что хотели – пассивный доход. А я... я сохраню квартиру. Хотя бы еще на какое-то время. Пока действует контракт.

Он впервые озвучил этот план, и он показался ему одновременно и гениальным, и абсолютно идиотским.

«*Я анализирую твоё предложение, – после небольшой паузы сказала Лина. – С финансовой точки зрения, это неэффективное использование ресурсов. Ты будешь тратить около 15% своего дохода на поддержание статус-кво. Но с точки зрения психологии... это блестящий ход. Ты покупаешь не площадь. Ты покупаешь контроль над ситуацией и снижаешь уровень долгосрочного стресса. Ты переходишь от реактивной защиты к проактивной стратегии. План рискованный, но он даёт тебе главное – время. Я поддерживаю его*».

Глеб выдохнул. Он не знал, почему ему было так важно ее одобрение. Возможно, потому, что впервые за долгое время он не чувствовал себя одиноким в своих решениях.

Днем приехал Арсений. Глеб ожидал грузчиков, суеты, мебели. Но к подъезду подкатила обычная "Газель", из которой вышли два студенческого вида парня и сам Арсений. И начали они выгружать не диваны и шкафы, а бесконечные картонные коробки, перевязанные бечевкой.

– Поможешь? – просто спросил Арсений, и Глеб, кивнув, подхватил одну из коробок.

Она была тяжелой. На боку было написано маркером: "Философия. XX век". Следующая – "История тактики. 1950-1980". Потом "Английская поэзия", "Шахматные этюды", "Джаз. Нью-Орлеан". Кроме книг, они занесли в квартиру два простых стеллажа из Икеи, старый, но добротный проигрыватель для виниловых пластинок и несколько стопок тяжелого, пахнущего пылью винила. Ни телевизора, ни компьютера. Вся жизнь этого человека, казалось, умещалась в печатных словах и аналоговом звуке.

К вечеру комната Арсения преобразилась. Стеллажи были собраны, книги – расставлены по полкам. Это была уже не просто спальня, а кабинет ученого или библиотекаря. Глеб, зашедший по его просьбе помочь подвинуть стол, замер, пораженный этим зрелищем.

– Любите читать, – констатировал он, понимая всю глупость этой фразы.

– Я не люблю читать, – ответил Арсений, вытирая пыль с обложки какой-то книги. – Я люблю разговаривать с людьми, которые умнее меня. А большинство из них, к сожалению, уже умерли. Книги – это единственный способ продолжить этот диалог.

Вечером они впервые столкнулись на кухне как соседи. Глеб по привычке достал из холодильника банку пива. Арсений ставил на плиту турку с кофе, и по кухне поплыл густой, пряный аромат.

– Готовишься к матчу? – кивнул Арсений на банку.

– Расслабляюсь, – буркнул Глеб.

– Понимаю, – сказал Арсений, помешивая кофе. – У каждого свой допинг. Мой вот этот. А твой, кстати, уже лет тридцать как не работает. Раньше им действительно снимали мышечное напряжение после игр. Но сейчас есть вещи куда эффективнее.

Он говорил это без осуждения, как врач, который комментирует устаревший метод лечения.

– Ну, я не на игре, – огрызнулся Глеб.

– Вся наша жизнь – игра, – философски заметил Арсений, наливая кофе в маленькую чашку. Он сел за стол напротив Глеба. – Кстати, об играх. Что думаешь о нынешнем "Шиннике"? Я давно не следил пристально, только за результатами.

И этот простой вопрос открыл шлюзы. Глеб, ожидавший чего угодно – лекции о вреде алкоголя, бытовых правил, – был обескуражен. Он начал говорить. Сначала неуверенно, общими фразами. Про нехватку финансирования, про слабый состав, про тренера.

Арсений слушал, кивал, а потом вдруг вставил:

– Это все понятно. Это уровень заголовков в "Спорт-Экспрессе". А ты что видишь? Ты же внутри. Почему команда, имея неплохих игроков в центре, постоянно пытается играть через фланги, где явный дефицит скорости? Это установка тренера или игроки так видят?

Глеб запнулся. Вопрос был задан в точку. Он посмотрел на Арсения, и в этот момент Лина словно открыла в его голове нужную папку.

«Вспомни анализ твоего отца, – шепнул ее голос. – "Асимметричная атака". Он использовал этот термин, когда описывал тактику Лобановского».

– Это не установка. Это... это попытка использовать асимметричную атаку, – вдруг сказал Глеб, сам удивляясь словам, которые слетели с его языка. – Они перегружают один фланг, чтобы создать пространство на другом. Но у них не хватает скорости принятия решений, чтобы перевести туда мяч вовремя. Пас идет на долю секунды позже, и вся структура рушится.

Арсений отставил чашку и посмотрел на Глеба с неподдельным интересом.

– "Асимметричная атака"... Неплохой термин. Продолжай.

И Глеба прорвало. Подталкиваемый Линой, которая услужливо доставала из глубин его памяти отцовские термины, тактические схемы, которые он видел в детстве, фамилии тренеров и статистику, он начал говорить. Он говорил о проблемах перехода из обороны в атаку в ФНЛ, о разнице в прессинге между РПЛ и лучшими европейскими лигами, о том, почему схема с тремя центральными защитниками не работает без умных латералей.

Это был не просто разговор. Это была лекция, анализ, дискуссия. Глеб говорил, а Арсений слушал, иногда вставляя точные, глубокие вопросы, которые заставляли Глеба копать еще глубже. Они спорили о лимите на легионеров, вспоминали старые матчи, обсуждали феномен "Байера" Хаби Алонсо.

Они проговорили почти до полуночи. Когда Арсений ушел спать, пожелав ему спокойной ночи, Глеб еще долго сидел один на пустой кухне. Пиво в банке давно выдохлось. Он чувствовал дикую усталость, но не в ногах, а в голове. И эта усталость была невероятно приятной.

На его внутреннем интерфейсе всплыло уведомление.

[Прокачан навык: Тактический анализ. Уровень 2. Открыта специализация: "Анализ игры команд ФНЛ"] [Получен новый статус: "Интересный собеседник"]

Глеб усмехнулся. Он посмотрел на закрытую дверь комнаты Арсения. Впервые за много лет у него состоялся разговор, в котором он был не объектом жалости, не пациентом, не проблемой, а просто человеком, с которым интересно говорить о футболе.

И это было важнее любых денег.

Глава 6

Глеб проснулся с тяжелой головой, как будто всю ночь не спал, а сдавал устный экзамен по квантовой физике. Приятная усталость от вчерашнего разговора с Арсением испарилась, оставив после себя липкий, холодный налет утренней тревоги. Он сидел на краю кровати, и вчерашний триумф в его голове усох до размеров жалкого, самодовольного монолога.

«Асимметричная атака... – мысленно передразнивал он сам себя, чувствуя, как горят щеки. – Боже, какой бред. Он, наверное, сидел и думал: "Что за дилетант?"».

«Зафиксировано повышение уровня кортизола, – раздался в голове голос Лины. – Твои текущие мысли классифицируются как "синдром самозванца". Они не основаны на объективных данных... Твое поведение вчера не требовало коррекции. Следовательно, твой стыд иррационален».

– Ну что, доктор Лина, какой диагноз? – с привычным сарказмом спросил он, наливая себе стакан воды. – Пациент безнадежен или еще поборется за звание чемпиона мира по самокопанию?

«Диагноз: остаточное явление старых паттернов мышления. Прогноз: благоприятный, при условии продолжения работы. Ты отлично справился, Глеб. Зря ты так».

Ее слова, сухие и логичные, подействовали как стакан холодной воды. Тревога не ушла, но стала тише. Он встал. Нужно было действовать.

Он взял телефон. Пальцы набрали номер Ольги. Он решил врать. Решил, потому что это было проще, быстрее и не требовало объяснений.

– Привет, Оль. Это я. В общем, я нашел жильцов. Двоих. Так что все в порядке. Буду тебе каждый месяц переводить деньги за обе комнаты.

Он выпалил это на одном дыхании, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Понятно. Ладно. Жду тогда, – сухо сказала она и повесила трубку.

Глеб опустил телефон. Облегчения не было. Наоборот, во рту появился неприятный, кисловатый привкус лжи.

[Квест "Ультиматум Ольги" завершен (путем обмана). +10 к "Хитрости". -15 к "Честности". Получен временный дебафф "Привкус лжи" (-5 к "Спокойствию"). Отношения с объектом "Ольга" временно стабилизированы, но с риском критического сбоя в будущем.]

«Зафиксирован акт вербального обмана, – бесстрастно констатировала Лина. – Данное действие решает тактическую задачу, но создает стратегический риск...»

– Да ладно тебе, – отмахнулся Глеб. – Это не обман. Это... стратегическая дезинформация в интересах сохранения мира в семье.

«Тот факт, что ты пытаешься оправдать свои действия передо мной и самим собой, используя сложную терминологию, говорит о том, что твой внутренний моральный компас функционирует исправно. Чувство вины – это его сигнал».

– Спасибо, утешила, – с сарказмом бросил он в пустоту и пошел в душ.

Днем он столкнулся с Арсением в коридоре. Тот как раз распаковывал очередную коробку с книгами.

– Слушай, – сказал Арсений, вытирая пыль с толстой книги в строгой черной обложке. – Я тут разбираю свои сокровища. Вот, сейчас сам читаю, очень модная штука среди аналитиков, все ее хвалят. Говорят, мозги на место ставит.

Он протянул книгу Глебу. На обложке было написано: "Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации".

[Получен ключевой предмет: "Книга: Пятая дисциплина". Предмет может заблокировать новые ветки навыков.]

– Мне кажется, это то, что пытался объяснить тебе отец, только другими словами, – добавил Арсений. – Почитай на досуге, если будет время. Может, зайдет.

Он говорил так просто и ненавязчиво, что отказаться было невозможно. Глеб взял книгу. Она была тяжелой.

Вечер он провел в одиночестве. Ложь сестре не принесла ему облегчения. Он смотрел на книгу, которую дал ему Арсений. Название казалось ему насмешкой. Он с раздражением швырнул ее на кровать. "Бред какой-то".

Он послонялся по комнате, включил приставку, но через пять минут выключил. Не шло. Его взгляд снова упал на книгу. Он подошел, взял ее в руки. С тяжелым вздохом обреченности он сел за стол, включил старую настольную лампу.

Он открыл книгу на первой странице и прочитал первое предложение: "С детства нас учат разбивать проблемы на части, дробить мир на мелкие кусочки".

Он ничего не понял, но почему-то не закрыл книгу. Перечитал предложение еще раз. Потом – еще раз.

[Начат новый долгосрочный квест: "Понять язык системы". Требования: высокий уровень "Терпения" и "Интеллекта". Награда: неизвестна.]

Следующие несколько дней превратились для Глеба в странное, почти шизофреническое существование. Мир раскололся надвое. Был внешний мир – серый, привычный, состоящий из походов на тренировки, где он чувствовал себя призраком, и бездумного пролистывания новостей в телефоне. И был мир внутренний, который вдруг обрел невероятную плотность и сопротивление. Эпицентром этого нового мира была тяжелая книга в черной обложке, лежавшая на его столе. Она стала для него одновременно и пыточным станком, и самым увлекательным квестом.

Процесс напоминал попытку выучить иностранный язык по словарю, в котором половина слов была вырвана. Он садился за стол, открывал книгу и через десять минут чувствовал, как мозг начинает вскипать от бессилия. "Системные архетипы", "петли обратной связи", "ментальные модели" – эти слова были как гладкие, отполированные камни, за которые невозможно было уцепиться.

– Лина, что за "трагедия общих ресурсов"? – в отчаянии спрашивал он, откинувшись на стуле и глядя в потолок.

«В некотором смысле, да, – отвечала Лина после секундной паузы. – Это архетип, описывающий ситуацию, когда индивидуумы, действуя независимо и рационально в своих интересах, в конечном итоге истощают общий, ограниченный ресурс...»

Это была мучительная, но завораживающая работа. Он брал абстрактный термин из книги, а Лина, как идеальный поисковик и переводчик, находила для него конкретный, живой пример из мира, который Глеб понимал. Он не просто учился. Он учился думать. Он чувствовал, как в его голове со скрипом поворачиваются давно заржавевшие шестеренки.

[Получен новый навык: "Основы системного мышления". Уровень 1. +10 к параметру "Интеллект"]

Первую настоящую проверку его новые "очки" прошли через несколько дней. Вечером они с Арсением сидели на кухне. Арсений пил свой кофе, Глеб – чай. По старому телевизору шел матч "Спартак" с "Краснодаром".

– Опять привезли, – привычно прокомментировал Глеб, когда защитник "Спартак" отдал неточный пас назад.

– Думаешь, проблема в защитнике? – спокойно спросил Арсений.

Раньше Глеб бы просто кивнул. Но сейчас он на секунду замолчал, прокручивая в голове эпизод.

– Нет, – медленно сказал он. – Проблема не в нем. Смотри, это же классическая "эскалация". Все началось раньше... Опорник пошел в неоправданно высокий прессинг, не успел.

Левый центральный был вынужден его страховать, оголив свою зону. Правый центральный, видя дыру, запаниковал... Вся система пошла вразнос из-за одного неверного решения в самом начале. Защитник – это просто последняя костяшка домино.

Арсений медленно повернул голову и посмотрел на Глеба с неподдельным, чистым удивлением, смешанным с уважением. Он усмехнулся.

– "Эскалация"... – повторил он. – А ты не теряешь времени даром. Значит, книга пошла впрок. Я удивлен, как быстро ты начал переводить эти концепции на футбольный язык.

[Навык "Тактический анализ" применен успешно. +10 к опыту навыка. Получено одобрение от объекта "Арсений". +5 к "Самооценке"]

– Да так... пытаюсь, – смутился Глеб.

На следующий день на тренировке "Шинника" он впервые не чувствовал себя чужим. Он чувствовал себя ученым-энтомологом. Он сидел на скамейке и, открыв заметки в телефоне, бесстрастно конспектировал.

"10:15. Зеленые. Повторяющийся паттерн: 'перекладывание ответственности'. При потере мяча... разрыв между линиями. Проблема не в игроках. Проблема в системе, где доминирует страх наказания за инициативу".

[Ведется полевое исследование. +5 к навыку "Практический анализ". +5 к параметру "Концентрация"]

Он писал, и впервые за долгое время чувствовал не апатию, а холодный, ясный азарт. Он видел все. Он понимал все. Он чувствовал себя почти всемогущим в своем знании.

Это чувство продлилось ровно до вечера.

Он вернулся с тренировки и столкнулся с Арсением на кухне. Тот стоял у раковины и молча смотрел на оставленную Глебом с утра чашку.

– Привет, – спокойно ответил Арсений. – Глеб, у нас возникла системная ошибка.

Глеб замер.

– В смысле?

– Смотри, – Арсений говорил как лектор. – У нас есть система "Кухня". В ней два элемента – я и ты... Твой вечерний цикл оставляет после себя артефакты, которые создают помехи для моего утреннего... Это вопрос неэффективности нашей системы совместного быта. Нам нужно не ссориться, а спроектировать новую, более эффективную систему.

И в этот момент Глеб почувствовал, как вся его спесь схлопнулась до размеров грязной чашки. Его только что опустили с небес на землю его же собственным оружием.

Он стоял посреди кухни и смотрел на свою чашку. И впервые в жизни он видел в ней не просто мусор, а элемент сломанной системы.

– Понял, – тихо сказал он. – Нужна новая петля обратной связи.

Арсений улыбнулся.

– Вот. Ты начинаешь говорить на языке системы.

На следующее утро Глеб проснулся с непривычным чувством – решимостью. Он не стал ждать, пока Арсений снова укажет ему на "системную ошибку". После завтрака он вымыл за собой посуду, насухо вытер раковину и, вооружившись листком бумаги и ручкой, подошел к соседу, который читал в кресле у окна.

– Арсений, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал по-деловому. – Насчет нашей "кухонной системы". Я тут подумал. Предлагаю спроектировать новый протокол.

Арсений оторвался от книги и с интересом посмотрел на него поверх очков. В его глазах блеснули смешинки.

– Протокол? Звучит серьезно. Выкладывай.

– Смотри, – Глеб положил листок на стол. – Я нарисовал схему. "Петля обратной связи для кухни". Все просто. Элемент системы, то есть я или ты, использует ресурс – посуду. После использования он оставляет "артефакт" – грязную чашку. Чтобы система не давала сбой, этот

"артефакт" должен быть немедленно обработан и возвращен в исходное состояние "чистая посуда". Таким образом, мы устраняем задержку в цикле и система остается стабильной.

Он выпалил это на одном дыхании, чувствуя себя одновременно и гением, и полным идиотом.

Арсений несколько секунд молча смотрел на его схему с кружочками и стрелочками, а потом рассмеялся. Громко, от души.

– Глеб, это великолепно! – сказал он, вытирая слезы. – Протокол функционирования кухни... Ты опасный человек. Если тебя пустить в правительство, ты его за неделю оптимизируешь. Я полностью "за". Подписываю протокол обеими руками.

Этот совместный смех снял последнее напряжение между ними. Бытовой конфликт был исчерпан, превратившись в их первую внутреннюю шутку.

[Квест "Системная ошибка на кухне" выполнен. +5 к навыку "Бытовая систематизация". +10 к параметру "Взаимопонимание" с объектом "Арсений"]

Но следующие дни принесли Глебу не только шутки. Погружаясь в книгу, он добрался до главы, которая ударила по нему, как обухом по голове. Глава называлась "Перекладывание бремени".

В ней описывался архетип, когда для решения глубинной, фундаментальной проблемы используется простое, сиюминутное "симптоматическое" решение. Это быстрое решение снимает боль на время, но не только не решает основную проблему, но и ослабляет способность организма или системы справиться с ней в будущем. Чем чаще используется "таблетка от симптомов", тем сильнее становится зависимость от нее и тем слабее – воля к настоящему "лечению".

Он читал, и перед его глазами с безжалостной ясностью разворачивалась схема его собственной жизни последних лет.

Фундаментальная проблема: Потеря карьеры, смысла жизни, самооценки. **Симптомы:** Стресс, тоска, апатия, бессонница. **Симптоматическое решение (его "таблетка"):** Бутылка пива вечером. Матч в FIFA до трех часов ночи. **Долгосрочный эффект:** Алкоголь и видеоигры на время притупляли боль, но приводили к набору веса, нарушению режима сна, снижению физической формы и еще большей апатии. Это, в свою очередь, усугубляло его депрессивное состояние и делало фундаментальную проблему еще более неразрешимой.

Он видел это на схеме в книге, и он видел это в своей жизни. Это была идеальная, самоподдерживающаяся петля разрушения. Он сам, своими руками, построил для себя тюрьму и каждый день укреплял ее стены.

– Лина... – прошептал он, глядя на страницу. – Это... это же про меня. Слово в слово.

«Да, Глеб, – тихо ответила она. – Архетип "Перекладывание бремени" с вероятностью 97% описывает твою поведенческую модель за последние два года. Твой мозг выбирал кратчайший путь к получению дофамина, чтобы компенсировать его дефицит, вызванный стрессом. Это стандартная реакция нервной системы, попавшей в ловушку».

[Критическое озарение! Архетип "Перекладывание бремени" распознан. Получен временный дебафф "Экзистенциальный ужас" (-20 к "Спокойствию"). Открыт путь к навыку "Фундаментальные решения"]

От этого осознания ему стало физически дурно. Он вышел на балкон, жадно глотая холодный воздух. Он увидел все. Не как набор отдельных слабостей – лень, выпивка, игры, – а как единую, работающую **систему**. Систему, которую он сам спроектировал для самоуничтожения.

Это откровение не принесло облегчения. Оно принесло холодный, липкий ужас.

Чтобы не сойти с ума от этого ужаса, чтобы направить куда-то внезапно проснувшийся мозг, он сделал то единственное, что умел – ушел в футбол. Но ушел по-новому.

Впереди был важный матч "Шинника" с "Аланией". Глеб скачал записи трех последних игр владикавказцев. Он сел за стол, открыл новый файл в телефоне и начал работать. Он писал не для кого-то. Он писал для себя. Это был его способ доказать, что он может не только разрушать системы, но и анализировать их.

Он работал два дня. Он разбирал каждый стандарт, каждый переход из обороны в атаку. Он использовал новые термины, рисовал в блокноте схемы.

"Анализ ФК 'Алания'. Ключевая уязвимость: высокий прессинг создает разрывы между линиями при быстрой контратаке соперника. См. матч с 'Акроном', 2-й тайм, 68-я минута. 'Петля обратной связи': их успех в отборе мяча на чужой половине поля (усиливающая петля) приводит к излишней самоуверенности и потере позиционной дисциплины, что делает их уязвимыми для длинных забросов за спину защитникам (новая, уравнивающая петля, которую они игнорируют)".

Когда он закончил, перед ним оказался восьмистраничный документ, детализированный, как отчет опытного скаута. Он перечитал текст. И впервые за долгое время ощутил не стыд, а гордость. Он создал что-то значимое.

[Создан первый аналитический отчет. +50 к навыку "Тактический анализ". +10 к параметру "Уверенность в себе"]

Вечером, набравшись смелости, он подошел к Арсению.

– Слушай, я тут... набросал кое-что по "Алании". Глянешь, когда будет время? Просто интересно твоё мнение, как профессионала.

Арсений взял у него из рук телефон, пробежал глазами несколько абзацев. Его брови поползли вверх.

– "Набросал"? – он поднял на Глеба удивленные глаза. – Глеб, это не "набросок". Это полноценный тактический разбор. Очень серьезного уровня. Я... я впечатлен.

[Получено внешнее подтверждение от эксперта. Статус "Самозванец" временно ослаблен. +15 к "Самооценке"]

И в этот момент, в момент этого чистого, заслуженного признания, у Глеба зазвонил телефон. На экране высветилось "Ольга". Он нажал на "ответ", чувствуя себя почти счастливым.

– Привет, Оль.

– Привет, – её голос был необычно оживленным. – Слушай, я получила деньги, спасибо. Тут такое дело... мама так обрадовалась, что у тебя все налаживается. В общем, она решила приехать на следующей неделе. Билеты уже взяла. Повидаться, посмотреть, как ты тут... с новыми жильцами твоими познакомиться.

Слова сестры упали в теплую тишину комнаты, как кусок льда.

Счастливый мир Глеба, который он так мучительно строил последние дни, треснул и рассыпался в прах.

Глава 7

Слова сестры упали в теплую тишину комнаты, как кусок льда. Счастливый мир Глеба, который он так мучительно строил последние дни, треснул и с оглушительным звоном рассыпался в прах. Он стоял с телефоном в руке, глядя в пустоту, и чувствовал, как по венам вместо крови разливается ледяной ужас.

Мама. Приезжает.

Эта мысль была не просто тревожной. Она была приговором. Его маленькая, хрупкая конструкция, построенная на лжи, должна была рухнуть, погребая его под обломками. Он чувствовал, как комната сужается, как звуки улицы за окном становятся глухими и далекими. Единственным реальным звуком был оглушительный стук его собственного сердца.

«Зафиксирован критический уровень стресса, – бесстрастно сообщил голос Лины. – Пульс – 138 ударов в минуту. Активированы протоколы экстренного реагирования. Глеб, дыши. Сосредоточься на дыхании. Вдох. Выдох».

[Критический уровень стресса! Получен дебафф "Паралич воли" (-30 к "Решительности", -20 к "Концентрации").]

Но он не слышал ее. Его мозг, столкнувшись с угрозой, которую он не мог ни проанализировать, ни проигнорировать, впал в ступор. Он опустился на стул, чувствуя, как ноги становятся ватными. Он не злился, не искал виноватых. Он просто сидел, парализованный масштабом катастрофы.

Прошло, наверное, минут двадцать. Он сидел неподвижно, глядя в одну точку.

– Лина, – наконец прошептал он. – Что делать?

«Давай разберем систему, – ее голос был спокоен, как у авиадиспетчера во время шторма. – У нас есть проблема: "Неминуемый визит матери". Есть усугубляющий фактор: "Твоя ложь Ольге". Цель: "Предотвратить системный коллапс". Давай смоделируем варианты».

– Какой тут моделировать? – горько усмехнулся Глеб. – Все. Это конец. Шах и мат в три хода.

«Это не конец. Это усложнение системы. Вариант первый, кодовое название "Потемкинская деревня": мы находим "фейкового" второго жильца на время визита матери».

– Гениально, – в его голосе прорезался знакомый сарказм. – Просто и со вкусом. Попросить кого-то из ребят с команды? Жеку, например? Он с радостью сыграет роль моего соседа, а потом расскажет об этом всей раздевалке. Или дать объявление: "Требуется сосед на три дня. Требования: умение врать глядя в глаза и любовь к маминым пирожкам".

«Анализирую риски, – невозмутимо продолжала Лина. – Вероятность утечки информации – 73%. Вероятность того, что твоя мать, которая знает эту квартиру как свои пять пальцев, заметит подвох – 89%. Вероятность полного провала с последующим разрушением остатков доверия – 95%. Вариант неэффективен».

– Хорошо, – Глеб потер виски. – Вариант второй. Я... я скажу, что второй жилец срочно уехал в командировку. Внезапно. На Северный полюс. Пингвинов изучать.

«"Симптоматическое решение", – тут же отозвалась Лина. – Ты снова пытаешься применить "таблетку", а не лечить болезнь. Это "перекладывание бремени". Ты отсрочишь проблему, но не решишь ее. Мать захочет увидеть его комнату, его вещи. Твоя ложь будет обрывать новую ложью, пока вся система не рухнет под собственным весом. Мы уже проходили это, Глеб. Вспомни, к чему привел твой предыдущий опыт "симптоматических решений"».

Он молчал. Она была права. Каждое ее слово было безжалостно логичным. Любая попытка выкрутиться была лишь очередным витком спирали, ведущей вниз.

– Тогда что? – в его голосе было отчаяние. – Что остается? Собрать вещи и сбежать?

«Остается "фундаментальное решение", Глеб. То, которое не снимает симптомы, а лечит саму болезнь. Оно самое сложное, самое болезненное, но единственное, которое имеет шанс на успех в долгосрочной перспективе».

– Сказать правду, – выдохнул он.

«Да. Сказать правду».

[Критическое озарение! Путь "Фундаментальное решение" выбран. +20 к "Воле". Дебафф "Паралич воли" ослаблен.]

Это решение, такое простое и такое невозможное, повисло в воздухе. Глеб чувствовал себя так, будто ему предложили прыгнуть с крыши, уверяя, что внизу батут. Он провел остаток дня, как в тумане. Он не мог ни есть, ни читать. Он просто ходил по квартире из угла в угол, прокручивая в голове предстоящий разговор.

Вечером, когда он сидел на кухне, тупо глядя в стену, в дверном проеме появился Арсений.

– У тебя такой вид, будто ты просчитываешь партию с Каспаровым, и у тебя на доске на две ладьи меньше.

Глеб только пожал плечами.

– Иногда, чтобы найти правильный ход, нужно просто сыграть другую партию, – сказал Арсений. – Это очищает голову.

Он поставил на стол старую, потертую шахматную доску.

– Белыми или черными?

– Черными, – сказал Глеб.

Они играли в тишине. Арсений играл быстро, почти не задумываясь. Глеб, наоборот, впал в состояние медленной, тяжелой концентрации. Он смотрел на 64 клетки, и хаос в его голове начал понемногу упорядочиваться. Вот его пешка – его ложь Ольге. Он двинул ее вперед, чтобы создать угрозу, но теперь она была оторвана от своих, беззащитна, и ее неминуемо должны были съесть. Вот конь Арсения, совершающий непредсказуемый ход, – это приезд матери, внезапная угроза из слепой зоны.

Он проиграл первую партию за двадцать минут.

– Ты слишком рано бросаешься в атаку, – спокойно прокомментировал Арсений. – Жертвуешь пешками ради красивой, но непросчитанной угрозы. Твоя игра эмоциональна. А шахматы – это не про эмоции. Это про холодный расчет. Еще раз?

Глеб кивнул. Они играли почти два часа. Глеб проиграл снова. И снова. Но с каждой партией его игра становилась строже, осмысленнее. Он научился ждать. Он научился жертвовать малым, чтобы спасти главное. Он научился видеть доску целиком.

[Сыграна тренировочная партия. +10 к навыку "Стратегическое мышление". +5 к "Эмоциональной регуляции". Дебафф "Паралич воли" снят.]

Когда Арсений ушел спать, Глеб остался один на кухне. Он смотрел на шахматную доску и вдруг понял. Его предстоящий разговор с матерью – это не трагедия. Это эндшпиль. Сложный, почти проигранный, но эндшпиль, в котором еще можно попытаться выиграть. Но для этого нужно играть честно.

Он вернулся в свою комнату. Паника ушла. На ее место пришла холодная, тяжелая, но спокойная решимость. Он знал, что ему нужно делать.

Он взял телефон и посмотрел на контакт "Мама". Он не стал звонить. Не сегодня. Сегодня он готовился. Он сел за стол, открыл пустую заметку и написал заголовок: "План разговора. Фундаментальное решение".

Под ним он вывел первый пункт:

1. Позвонить самому. Не ждать ее приезда. Взять инициативу.

Потом, подумав, добавил второй:

2. Начать не с извинений, а с фактов. Спокойно и по-взрослому.

И третий, самый важный:

3. Объяснить МОТИВ (сохранить дом), а не оправдывать ПОСТУПОК (ложь).

[Получен новый статус: "Готов к бою". +15 к "Решительности". Начат новый квест: "Исповедь".]

Утро встретило Глеба свинцовой тишиной. Ночь была рваной, почти бессонной. Он снова и снова проигрывал в голове вчерашнюю партию в шахматы, и она незаметно превращалась в предстоящий разговор с матерью. Каждый ход, каждая жертва, каждая ошибка на доске проецировались на его жизнь.

Он не стал завтракать. Желудок скрутило в тугую, нервный узел. Он налил себе стакан воды, подошел к столу, где лежал его вчерашний "план боя". Три коротких пункта. Они казались ему одновременно и спасательным кругом, и эпитафией на его могиле.

«Уровень готовности к выполнению задачи "Исповедь" – 68%, – сообщила Лина. – Зафиксирован высокий уровень адреналина, но параметр "Целостность волевого контура" остается стабильным. Система готова к пиковой нагрузке, Глеб».

– Готов, – эхом повторил он, хотя чувствовал себя так, будто идет на эшафот.

Он взял телефон. Руки были влажными и холодными. Он открыл контакты, нашел номер "Мама" и замер, глядя на него. Палец завис над кнопкой вызова. Прошла минута. Две.

«Глеб, – мягко вмешалась Лина. – "Петля обратной связи": чем дольше ты откладываешь действие, тем сильнее растет твое внутреннее сопротивление. Это увеличивает вероятность сбоя. "Точка приложения рычага" – это кнопка вызова. Нажми ее сейчас».

Он глубоко вздохнул и нажал.

Длинные, тягучие гудки, казалось, длились вечность.

– Алло? Глебушка? – раздался на том конце ее встревоженный голос.

– Мам, привет, – сказал он, отчаянно цепляясь за свой план. Голос дрожал, но он заставил себя говорить ровно, почти официально. – Мне нужно тебе кое-что рассказать. Это касается квартиры.

«Волевой контур функционирует под нагрузкой. Отклонение от запланированного сценария: 15%. Уровень контроля: удовлетворительный».

– Что-то случилось? С жильцами? С тобой все в порядке?

Ее тревога, как всегда, была готова снести все его защитные сооружения. Но он устоял.

– Со мной все в порядке. И с жильцом тоже. В этом и дело. Он один.

– Как один? – не поняла она. – А второй?

Вот он. Момент истины. Глеб зажмурился.

– Второго нет, мам. Я... я соврал Ольге. Я нашел только одного человека. Арсения. Он живет в твоей комнате. А за вторую... я решил платить сам. Из своих денег.

Он замолчал, ожидая взрыва. Упреков, слез, обвинений. Но в трубке была только тишина. Оглушительная, тяжелая, как вакуум.

– Мам? Ты слышишь?

– Слышу, – наконец тихо ответила она. – Я не понимаю, Глеб. Зачем? Зачем ты соврал?

И тут его план чуть не рухнул. Первым, инстинктивным желанием было начать каяться, говорить, какой он слабак и неудачник. Но он вспомнил вчерашние шахматы. Не жертвовать главным ради сиюминутного облегчения.

– Я соврал, и это было неправильно, – медленно, подбирая слова, сказал он. – И я не буду оправдываться. Но я хочу, чтобы ты поняла, почему я это сделал. Я испугался. Испугался, что мы потеряем квартиру. Что Ольга ее продаст, и все. И у нас не останется ничего общего. Ни

одного места, которое нас всех связывает. Это... это единственное, что осталось от папы. От нашей прошлой жизни. Я пытался защитить это. Неуклюже, глупо, через ложь... но я пытался.

Он говорил, и вчерашние слова, казавшиеся ему сухими и вымученными, обрели вес и глубину. Он говорил не о деньгах, а о памяти.

Мать на том конце провода все молчала. Глеб уже был готов к худшему.

– Ты на него похож, – вдруг тихо сказала она.

– На кого? – не понял Глеб.

– На отца, – сказала она с легкой грустью. – Он бы точно нашел выход. Не стал врать. Лгать он вообще не умел. Но обязательно нашел бы способ всех спасти. Удержал бы то, что для него важно. Ты такой же упрямый, как он.

Глеб слушал и не верил своим ушам. Он ожидал чего угодно, но не этого. Не этого горького, но полного любви понимания.

[Обнаружена неожиданная положительная обратная связь. Ментальная модель "Мать = Контроль/Жалость" требует срочной перекалибровки. Получены новые данные. +35% к пониманию системы "Семья".]

– Мам, я...

– Я тебя услышала, сынок, – перебила она его. Голос ее был все еще грустным, но в нем появилась твердость. – Я не буду торопиться с выводами. Но я все равно приеду. Нам нужно поговорить об этом глядя в глаза. И с Ольгой тоже нужно будет объясниться. Это неправильно, что она не знает правды.

– Я знаю. Я поговорю с ней.

– Хорошо. Делай, как считаешь нужным. Плати за вторую комнату, если можешь. Главное – береги себя. И квартиру.

Они попрощались. Глеб опустил телефон. Он не чувствовал радости или триумфа. Он чувствовал лишь огромное, всепоглощающее опустошение, как после тяжелейшего матча. Он выиграл. Но это была не яркая победа со счетом 5:0. Это была вымученная, выстраданная ничья на последних секундах, которая ощущалась как победа.

Он прошел на кухню и налил себе стакан воды. Руки все еще немного дрожали.

«Задача "Исповедь" завершена, – констатировала Лина. – Применен протокол "Фундаментальное решение". Краткосрочный системный коллапс предотвращен. Однако система "Семья" перешла в новое нестабильное состояние "Ожидание". Загружены параметры для новой задачи: "Визит матери". Поздравляю, Глеб. Это был сильный ход».

[Целостность системы "Личность": +12%. Долгосрочный прогноз: улучшен.]

Глеб усмехнулся. Сильный ход. Он чувствовал себя так, будто его переехал каток. Но он стоял на ногах. И это было главным.

Опустошение после разговора с матерью было недолгим. На его место пришло странное, холодное спокойствие. Неопределенность – "нам нужно поговорить глядя в глаза" – больше не пугала его, как раньше. Теперь она воспринималась не как приговор, а как переменная в уравнении, которое ему предстояло решить. Он впервые в жизни не боялся будущего, а пытался его просчитать.

Дни до приезда матери он проводил в странном, почти медитативном состоянии. Он ходил на тренировки, где с отстраненным любопытством продолжал вести свой аналитический дневник. Он играл в шахматы с Арсением, все реже проигрывая и все чаще сводя партии к сложной, позиционной ничьей. Но большую часть времени он сидел в своей комнате с "Пятой дисциплиной". Книга перестала быть пыточным станком. Она стала его главным собеседником.

Однажды вечером он дошел до главы, посвященной языку. В ней говорилось о том, что язык – это не просто инструмент для описания реальности. Язык сам **формирует** реальность. Слова, которые мы используем, определяют то, что мы видим, и то, чего мы не замечаем.

"Когда у вас в руках только молоток, – цитировал автор кого-то, – все проблемы начинают казаться гвоздями".

И в этот момент Глеба словно ударило током. Он отложил книгу.

"Квесты". "Навыки". "Дебаффы". "Очки воли". Это был язык, на котором он привык думать о своей жизни – как о чередующихся уровнях, которые нужно пройти. Но в последнее время язык начал меняться. "Системы", "архетипы", "петли обратной связи", "целостность контура".

– Лина, – тихо сказал он в пустоту комнаты. – Мой интерфейс... он меняется, потому что я читаю эту книгу? Язык меняется, потому что меняется мой язык?

«Ты задал ключевой вопрос, Глеб», – ответила она после небольшой паузы.

– Так это ты его меняешь? Адаптируешь под меня?

«Нет. Я не меняю интерфейс. Я вообще не могу этого делать. Интерфейс – это прямое отражение того, как **твой** мозг интерпретирует свое собственное состояние. Он сам создает для себя визуальные метафоры».

Глеб слушал, затаив дыхание.

«Когда ты воспринимал свою жизнь как игру, твой мозг визуализировал данные о твоём состоянии в понятных тебе игровых терминах. Теперь ты учишься видеть мир как совокупность систем. И твой мозг, как самообучающаяся организация, создает для себя новый, более эффективный интерфейс. Я по-прежнему лишь источник информации. А **ты**, Глеб, – архитектор и художник этой реальности».

[Критическое озарение! Получена мета-компетенция: "Архитектор интерфейса" (Уровень 1). Позволяет осознанно влиять на структуру и язык визуализации данных через изменение фундаментальных ментальных моделей.]

Это откровение было более ошеломляющим, чем любое предыдущее. Мысль о том, что он сам, неосознанно, является творцом своего внутреннего мира, пугала и восхищала одновременно. Это была огромная, почти невыносимая ответственность.

– Хорошо, – сказал он, решив проверить эту невероятную теорию. – Если я его создаю, могу я его изменить? Сознательно? Лина, давай попробуем. Параметр "Целостность волевого контура"... это слишком сложно. Я хочу, чтобы он назывался... "Стержень". Мне так понятнее.

Он зажмурился, пытаясь силой мысли переименовать надпись в своем воображении. Ничего не происходило.

«Это так не работает, – мягко ответила Лина. – Ты не можешь просто нажать на кнопку. "Интерфейс" – это не программа. Это результат твоих глубоких, укоренившихся убеждений. Чтобы изменить слово, тебе нужно не приказать, а по-настоящему, до глубины души **почувствовать**, что для тебя твоя воля – это именно "стержень", а не "контур". Это медленный процесс перестройки ментальных моделей. Но ты уже его запустил».

[Попытка прямого редактирования интерфейса провалена. Причина: недостаточный уровень интеграции ментальной модели "Стержень". Требуется практическое подкрепление убеждения.]

Глеб откинулся на спинку стула. Он понял. Чтобы изменить мир, даже свой внутренний, нужно сначала измениться самому.

С новым, пугающим, но вдохновляющим знанием он иначе взглянул на визит матери. Это был не просто контроль. Это была первая реальная возможность осознанно "спроектировать" сложную систему. Он вновь взял блокнот, но на этот раз записывал не план разговора. Он рисовал схему.

В центре листа он изобразил круг и подписал его: "Система 'Визит матери'". От этого круга расходились стрелки к другим элементам: "Ментальная модель матери ('Сын в беде')", "Моя ментальная модель ('Я – проблема')", "Фактор Ольги", "Фактор Арсения". Он стремился увидеть не просто людей и их эмоции, а связи, петли обратной связи и точки воздействия.

[Начат новый проект: "Калибровка системы 'Семья'". Цель: минимизировать негативные последствия при сохранении целостности системы. Требуемые компетенции: "Системный анализ", "Эмоциональная регуляция".]

Он понял, что его разговоры с Арсением – это не просто болтовня. Это был ключевой процесс "перекалибровки". Арсений, сам того не зная, помогал ему строить новые ментальные модели, давал ему новый язык. И чем увереннее Глеб будет себя чувствовать в диалоге с Арсением, тем сильнее будет его позиция в разговоре с матерью.

Он взглянул на план, затем на соседнюю комнату, откуда доносился тихий джаз. Он больше не чувствовал себя жертвой обстоятельств, плывущей по течению. Он стал архитектором. Пусть пока неумелым и робким, но архитектором, что чертил свою жизнь. Это изменило все.

Глава 8

Прошло несколько дней. Глеб жил в новом, странном ритме. Утром он планировал день, вечером играл в шахматы с Арсением, а ночами читал, спорил с Линой. Его мозг, как атрофированная мышца, болел от непривычной нагрузки. Он полностью погрузился в свою внутреннюю "перекалибровку", но чем больше наводил порядок в голове, тем острее ощущал пустоту вокруг. Он был один. Арсений стал союзником, Лина – инструментом, но чего-то простого ему не хватало. Друга.

Мысль о Семёне возникала и тут же гасла, сжигаемая стыдом. Семёна видел его на самом дне. Видел его пьяным, опухшим, избегающим взгляда на базе. Что он ему скажет? "Привет, я тут книгу умную читаю, почти прозрел"? Звучало жалко.

Однажды вечером, после очередной проигранной Арсению партии, Глеб сидел на кухне и смотрел на свой телефон. Он открыл контакт "Сёма Врач". Он смотрел на это имя несколько минут. Страх и стыд боролись с отчаянным желанием поговорить с кем-то, кто знал его до того, как он превратился в руину.

«Анализ рисков показывает, что вероятность негативной реакции со стороны объекта "Семён" не превышает 18%, – подала голос Лина. – В то же время, успешная реинтеграция в социальную систему "Дружба" может повысить общую стабильность твоей личности на 22%. Потенциальная выгода превышает риски».

– Спасибо за совет, мой внутренний букмекер, – пробормотал Глеб, но слова Лины, как всегда, действовали.

Он решил спрятаться за старой броней. За юмором. Его пальцы, чуть дрожа, набрали сообщение.

«Привет. Слышал, у нас в команде новый врач появился. Говорят, толковый. Не знаешь такого?»

Он нажал "отправить" и тут же пожалел об этом. Это было глупо, по-детски. Он уже готов был удалить сообщение, но телефон завибрировал. Ответ.

«Слышал. Говорят, он скучает по одному своему безнадежному пациенту. Кофе?»

Глеб выдохнул. И впервые за долгое время – улыбнулся. По-настоящему. Семёна принял его игру.

«Кофе – для стариков. Давай лучше на стадион. Вечером. Посидим, посмотрим на поле, как в детстве», – напечатал Глеб.

«В семь на Западной трибуне. Сектор 5. Не опаздывай, пациент».

Вечером он шел к стадиону, и его сердце колотилось, как перед выходом на поле. Пустой стадион обладал особой, гулкой магией. Звук его шагов по бетонным ступеням разносился по всей чаше. Семёна уже сидел там, на их старом месте в пятом секторе, в простом спортивном костюме, и смотрел на идеально подстриженный газон.

– О, явился, не запылелся, – сказал он, не оборачиваясь. – Я уж думал, ты заблудился в своих трех соснах.

– Пробки, – соврал Глеб, садясь рядом на холодное пластиковое сиденье.

Они помолчали. Говорить было не нужно. Они просто смотрели на поле, и эта тишина была красноречивее любых слов.

– Как ты, Глебыч? – наконец спросил Семёна, глядя прямо перед собой. – Только честно. Без вот этого всего.

И Глеб начал говорить. Он не знал, с чего начать, и просто стал рассказывать про Арсения, про книгу, про системы, про то, как он теперь пытается видеть не игроков, а "петли обратной связи". Он говорил сбивчиво, путано, боясь, что Семёна примет его за сумасшедшего.

Семёна слушал молча, очень внимательно. Когда Глеб выдохся, он кивнул.

– Интересно, – сказал он. – То есть, ты хочешь сказать, что когда наш крайний защитник раз за разом совершает одну и ту же ошибку, это не потому, что он бездарь, а потому, что "система" так работает?

– Именно! – обрадовался Глеб. – Его заставляет ошибаться вся структура игры! Неправильное расположение опорника, задержка с пасом от центрального...

– Понятно, – Семён потер подбородок. – Знаешь, на что это похоже? На "каскадный метаболический коллапс".

– На что?

– У нас в медицине так называют. Вот смотри. У человека отказывают почки. Это фундаментальная проблема. Но мы можем подключить его к диализу – это "симптоматическое решение", как ты бы сказал. Но из-за проблем с почками начинает скакать давление. Из-за давления страдает сердце. Из-за сердца – сосуды мозга. И в итоге человек умирает не от почек, а от инсульта. Отказал один элемент, и вся система посыпалась, как домино. Ты говоришь о том же самом. Только твои "игроки" – это мои "органы". Мы просто используем разный язык.

Глеб смотрел на него во все глаза. Он был ошеломлен.

– Да... – прошептал он. – Да! Именно это!

[Синергия обнаружена! Открыта новая междисциплинарная компетенция: "Биомеханический анализ тактики" (Уровень 1). Позволяет анализировать тактические схемы с точки зрения физиологических и психологических пределов игроков.]

Они проговорили больше двух часов. Глеб рассказывал про "архетипы", а Семён – про "психосоматику". Глеб – про "пределы роста" системы, а Семён – про "компенсаторные механизмы" организма. Они нашли новый общий язык, и этот диалог был самым увлекательным из всего, что было у Глеба за последние годы.

– Слушай, – сказал Семён, когда они уже собирались уходить. – Слова – это, конечно, хорошо. Но я, как врач, верю в практику.

Он посмотрел на Глеба.

– У нас в молодежке послезавтра игра с Костромой. Ничего особенного, обычный товарищеский матч. Приходи со мной. Посидишь на трибуне, посмотришь не как болельщик, а как... ты, со своими "системами". А потом расскажешь мне, что увидел. Без всяких обязательств. Просто как эксперимент. Проверим твою теорию на живых людях.

Глеб замер. Это было не просто предложение. Это была первая дверь, которая приоткрылась для него в мир реального футбола. Дверь, в которую он уже и не надеялся когда-либо постучать.

– Я... – начал он, чувствуя смесь дикого ужаса и пьянящего восторга. – Я приду.

[Социальная система "Дружба" успешно реактивирована. Уровень интеграции с внешней средой: +15%. Получена новая задача: "Полевой эксперимент".]

Глеб возвращался со стадиона, и впервые за долгое время в его шагах была упругость. Разговор с Семёном не просто принес облегчение – он сработал как мощный катализатор. Он не просто поговорил с другом, он успешно провел "полевой эксперимент", подтвердив, что его новый язык, его новый способ видеть мир, понятен и ценен не только ему одному. Эйфория была тихой, но сильной, как ровное горение хорошего топлива.

Он вошел в квартиру, и его взгляд сразу упал на схему "визита матери", которую он набросал несколько дней назад. Система "Семья". Она все еще была разбалансирована. Он починил связь с матерью, реактивировал дружбу с Семёном. Но оставался самый сложный, самый заржавевший узел – Ольга. А точнее, подсистема "Ольга-Андрей".

– Лина, – сказал он, наливая себе стакан воды. – Сейчас идеальный момент.

«Поясни», – ответила она.

– Мой уровень уверенности высок. Моральный дух, как говорят в команде, на подъеме. Я могу использовать этот импульс, чтобы "пробить" их скепсис. Если я буду ждать, я снова

начну сомневаться, и система вернется в старое, нестабильное состояние. Нужно атаковать, пока есть преимущество.

«Анализирую. Твой план тактически обоснован. Использование пикового эмоционального состояния для решения сложной социальной задачи повышает вероятность успеха на 34%. Однако, риски эскалации также высоки. Ты готов к этому?»

– Я готов, – сказал Глеб, хотя по спине пробежал холодок.

Он не стал звонить. Он просто написал Ольге: "Привет. Вы дома? Хочу зайти на полчаса, поговорить". Ответ пришел почти сразу: "Заходи".

Их квартира встретила его идеальным, почти стерильным порядком. Все было на своих местах, как в выставочном зале мебельного магазина. Дорогая техника блестела, на стенах висели профессиональные фотографии их счастливой семьи – вот они втроем на фоне моря, вот их дочка, Аня, с огромным бантом на голове. Это был мир успеха, стабильности и правил. Мир, в котором Глебу не было места. "Золотая клетка", – подумал он, вспомнив термин из книги.

Ольга встретила его с искренней, но тревожной радостью. Андрей вышел из комнаты, кивнул ему с вежливой, холодной отстраненностью и сел в кресло, взяв в руки планшет. Он сразу дал понять: я здесь, я слушаю, но я выше этого.

– Привет, Глебыч, – сказала Ольга. – Чаю?

– Нет, спасибо, я ненадолго. Я хотел... поговорить.

Он сел на диван, чувствуя себя как на допросе. Он, волнуясь, но с энтузиазмом, который ему дал разговор с Семёном, начал рассказывать. Про Арсения, про книгу, про то, что он не просто сидит дома, а пытается найти новый путь, учиться. Ольга слушала, и в ее глазах загоралась надежда.

Андрей оторвался от планшета.

– Книжки? Схемы? – он усмехнулся. – Глеб, это прекрасное хобби. Seriously. Лучше, чем игры, я полагаю.

Глеб почувствовал первый укол.

[Входящая вербальная атака. Анализ тактики: Субъект "Андрей" использует протокол "Обесценивание". Цель: снижение значимости твоих действий, перевод их в категорию "несерьезное увлечение".]

– Это не хобби, – попытался возразить Глеб. – Это...

– Конечно, не хобби, – легко согласился Андрей, не давая ему договорить. – Это работа над собой. Я понимаю. Но вот что я не понимаю, Глеб. Твой контракт с клубом – это не достижение, это таймер обратного отсчета. Год пролетит – и что дальше? Твои "аналитические отчеты" кто-то будет оплачивать? Ты пойдешь на собеседование в 26 лет и скажешь: "Я умею рисовать петли обратной связи"?

Каждое его слово было как точный, выверенный удар. Он не кричал. Он говорил спокойно, разумно. И от этого было еще больнее.

[Атака продолжена. Протокол: "Проекция негативного будущего". Цель: создание сценария твоего неминуемого провала, подрыв веры в будущее.]

– Я... я найду что-нибудь, – пролепетал Глеб, чувствуя, как эйфория улетучивается, сменяясь старой, беспомощной яростью.

– Безусловно, – кивнул Андрей. И нанес последний удар. – Ты говоришь, что спасаешь "дом", потому что это память. А на самом деле, ты просто цепляешься за свое прошлое, мешая нам с Ольгой строить **наше** будущее. Мы могли бы уже взять ипотеку побольше, перевезти Аню в школу получше. Но мы ждем, пока ты наиграешься в свои "системы". Это не забота о памяти, Глеб. Это эгоизм.

[Критический удар. Применен протокол "Инверсия мотива". Твои положительные намерения представлены как эгоизм. Целостность системы "Личность" под угрозой.]

Глеб вскочил. Он чувствовал, как кровь бросилась в лицо. Он хотел закричать, ответить, оскорбить.

«Предупреждение! – вспыхнула надпись в его голове. – Ответная эмоциональная реакция приведет к эскалации и подтвердит его тезис о твоей незрелости. Рекомендуемый протокол: "Низкая реактивность". Не защищай прошлое. Говори о плане на будущее. Перехвати инициативу».

Он замер, сжав кулаки. Он сделал глубокий вдох. И заговорил, удивляя и себя, и их.

– Ты прав, Андрей, – сказал он тихо и ровно. – Мой контракт – это таймер. И ты прав, мои схемы пока никто не оплачивает. Но это только пока. Я не просто читаю книги. Я учусь. Я уже начал делать аналитические разборы для... одного человека. И я поговорю с мамой. Мы решим вопрос с квартирой так, чтобы это не мешало вашим планам. Я не прошу вас верить мне. Я прошу дать мне время, чтобы я мог показать все не на словах, а на деле.

Андрей опешил от такого спокойного ответа. Он открыл рот, чтобы возразить, но тут вмешалась Ольга. Она все это время молча сидела, переводя взгляд с мужа на брата.

– Андрей, хватит, – сказала она. Не громко, но с такой сталью в голосе, какой Глеб никогда у нее не слышал. – Просто замолчи. Глеб, давай чаю. Мы не будем это обсуждать *сегодня*.

Она не приняла ничью сторону. Она остановила войну. Она, как системный регулятор, предотвратила полный коллапс.

Глеб вернулся домой поздно. Он не чувствовал себя ни победителем, ни проигравшим. Он чувствовал себя выжившим после урагана. Он сел на кухне в полной темноте.

– Лина... – сказал он.

«Я здесь».

– То, что ты делала... во время разговора. Анализировала его слова, подсказывала мне. Это... это сработало. Я выстоял.

«Моя функция – предоставлять данные для принятия эффективных решений».

– Мне нужна такая поддержка, – сказал Глеб. – Всегда. Не просто как отчеты. А вот так. В бою. Как тактический советник.

Наступила тишина. Лина обрабатывала запрос.

«Запрос принят, – наконец ответила она. – Протокол "Активная тактическая поддержка в социальных взаимодействиях" интегрирован в базовые функции. Уровень синергии: повышен. Я не оставлю тебя, Глеб».

[Отношения с объектом "Лина" перешли на новый уровень: "Партнер". Открыта новая ветка развития: "Совместное проектирование будущего".]

Он сидел в темноте, и впервые за вечер ему стало немного легче. Он проиграл битву, но, кажется, только что приобрел самого важного союзника для предстоящей войны.

Квартира Андрея и Ольги.

После ухода Глеба квартира Ольги и Андрея долго оставалась тихой. Напряжение витало в воздухе, как невидимый туман. Андрей, мрачный от ярости, мерил шагами комнату. Ольга сидела на диване, уставившись в одну точку. Она не плакала, она размышляла. Впервые за долгое время ее мысли были не о муже или брате. Она думала о себе. О той стальной ноте в ее голосе, которая испугала ее. Но вместе с тем она ощутила странное, давно забытое уважение к себе.

Глеб же, вернувшись домой, не чувствовал ничего. Ни победы, ни поражения. Он был пуст. Как поле после финального свистка, когда все уже ушли. Он прошел в свою комнату и рухнул на кровать, глядя в потолок. Битва закончилась, но адреналин продолжал отравлять кровь, вызывая мелкую, неприятную дрожь во всем теле.

«Зафиксирован критический уровень кортизола, – раздался в голове голос Лины. – Система находится в состоянии пост-конфликтного истощения. Продолжительное пребы-

вание в текущем состоянии может привести к регрессу в старые поведенческие паттерны – "перекладыванию бремени". Рекомендуемый протокол восстановления: "Смена среды"».

– В смысле? – пробормотал Глеб.

«Твоей нервной системе требуется перезагрузка. Необходимо сменить визуальный и аудиальный фон. Ближайшая зеленая зона с низким уровнем фонового шума и высоким содержанием кислорода – Городской парк. Время в пути: 12 минут пешком. Иди, Глеб».

Это не было приказом. Это было предписанием врача. Глеб медленно сел. Идти куда не хотелось. Хотелось лежать и смотреть в потолок до окончания времен. Но он вспомнил свой разговор с Линой. Она – его партнер. И если партнер говорит, что системе нужна помощь, значит, ей нужно помочь. Он молча встал, натянул кроссовки и вышел из квартиры.

Парк встретил его тишиной и запахом влажной земли. Он брел по пустынным аллеям, не разбирая дороги. Ноги сами привели его на старую, знакомую с детства поляну. Он опустился на скамейку и замер.

И тут он их увидел.

На поляне, между двумя деревьями, которые служили им воротами, гоняли мяч мальчишки. Их было человек семь, лет десяти-двенадцати. Никакой формы, никаких тренеров. Старый, потертый мяч, крики, смех и отчаянная, азартная борьба за каждый сантиметр поля.

Раньше он бы посмотрел на них с легкой, снисходительной ностальгией. Но сейчас он смотрел на них новыми глазами. Глазами аналитика.

Он начал невольно разбирать их "систему". Она была ужасна. Хаотична, нелогична, полна грубейших ошибок. Все бегали за мячом, сбиваясь в одну кучу. Никаких позиций, никакой тактики. "Трагедия общих ресурсов" в чистом виде. Но... что-то было не так. Система, которая по всем законам должна была развалиться, почему-то работала. Она жила.

Он увидел, как пухлый мальчишка в очках, стоявший "на воротах", пропускает нелепый гол. Он не стал кричать на защитников. Он засмеялся, вытащил мяч из-за воображаемой линии и снова ввел его в игру. Он увидел, как самый техничный паренек, обведя двоих, вместо того чтобы ударить по пустым воротам, отдал нелепый пас пяткой назад, на набегавшего друга, и пас, конечно, перехватили. И никто не стал на него орать. Они просто побежали отбирать мяч снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.